РФА
3·382

Захаров
Гомер

ДВГНБ

ЭР03263

ДВГНБ

15780

ЭР03263

4860

КУЛЬТУРНО БЫТОВЫЕ

ОЧЕРКИ

ПО МІРОВОЙ ИСТОРІИ

СЕРІЯ = Б = ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

№ 5.

Прив.-доц. А. А. Захаровъ.

ГОМЕРЪ.

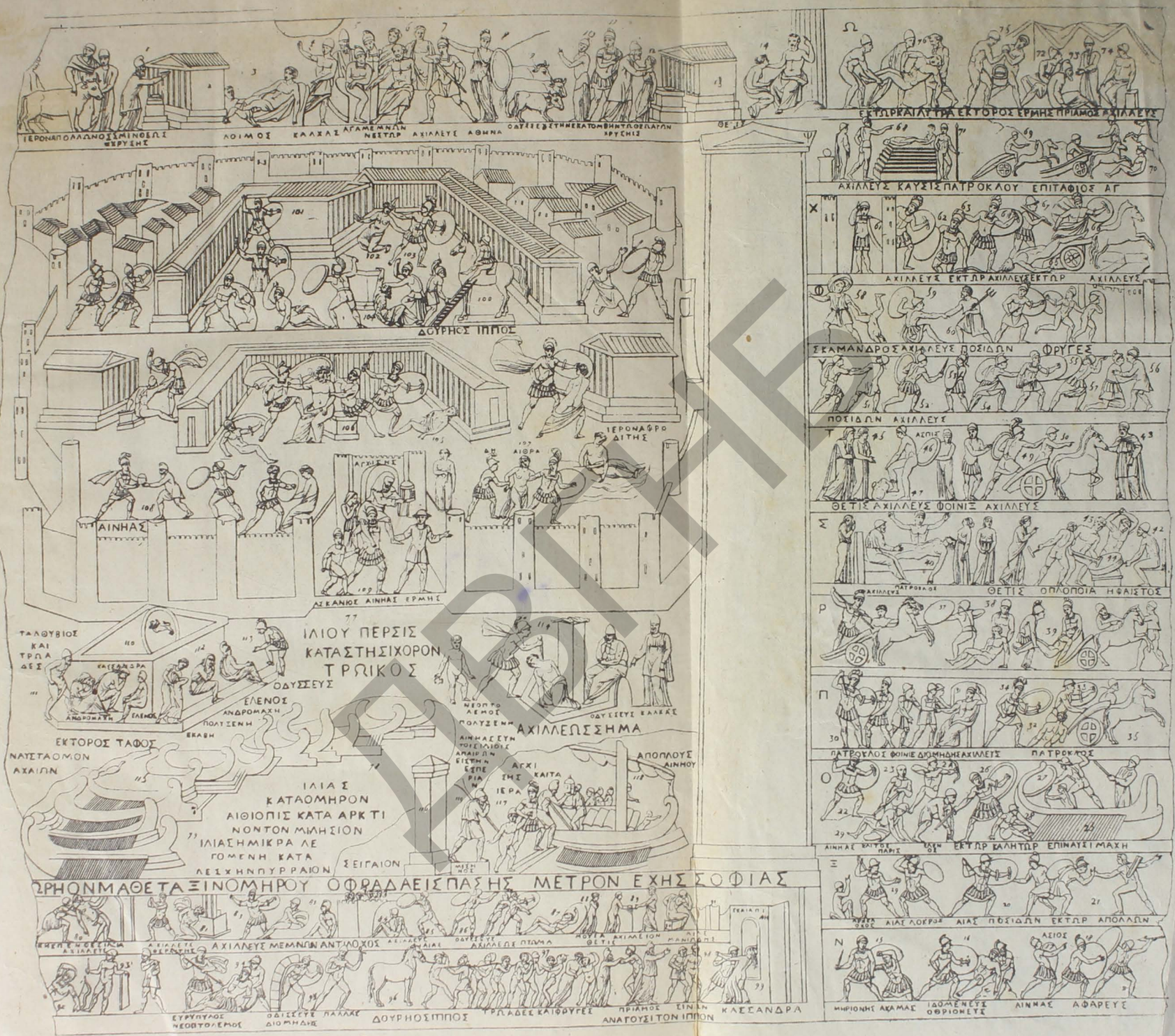
КН-ВО
„ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗНАНІЯ"
МОСКВА

ЭР03263

ДВГНБ

Типографія „ПРОДПУТЬ"; Серебряническая наб., 23а.

ЭР03263

Античный рельефъ съ иллюстраціями къ „Иліадѣ“ и паденію Трои.

ЭР03263

ДВГНБ

ЭР03263

РФА
980
З-38.
З-382

Культурно-бытовые очерки по міровой исторіи
подъ ред. В. К. Никольскаго и прив.-доц. А. А. Сидорова.

Серія Б. Всеобщая Исторія.

№ 5.

Прив.-доц. А. А. ЗАХАРОВЪ.

ГОМЕРЪ.

ДВГНБ
Проверено 1950 г.
ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
15780

1918.
Кн-ство „ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗНАНІЯ"
Москва, Сивцевъ-Вражекъ, 6.

ДВ
государственная
научная библиотека

ЭР03263

ДВГНБ

Типографія „ПРОДПУТЬ“, Москва, Серебряническая наб., 23а.

ЭР03263

АПОѲЕОЗЪ ГОМЕРА.

I.

Гомеръ и гомеровскій вопросъ.

Древнѣйшимъ письменнымъ источникомъ для исторіи Греціи не только для насъ, но и для самихъ грековъ были поэмы Гомера, Иліада и Одиссея. Масса греческаго народа нисколько не сомнѣвалось въ томъ, что около IX вѣка до Р. Х. жилъ великій поэтъ, составившій помимо двухъ названныхъ поэмъ, еще гимны къ богамъ и нѣсколько другихъ стихотвореній. Но сами древніе не особенно много знали о немъ. Если греческій историкъ Геродотъ и большинство другихъ греческихъ писателей помѣщаютъ время его жизни за 400 лѣтъ до Геродота, то другіе греческіе историки (напр. Гелланикъ, думали, что онъ былъ современникомъ Троянской войны, т. е. жилъ около 1000 г. до Р. Х., тогда какъ иные относили время его жизни къ срединѣ VI вѣка къ эпохѣ лидійскаго царя Креза и персидскаго царя Кира; разница въ датированіи его жизни достигаетъ такимъ образомъ до 700 лѣтъ. Это приблизительно то же, какъ если бы одни помѣщали время жизни Пушкина въ первой половинѣ XIX в., а другіе относили его ко времени татарскаго нашествія.

ЭР03263

Не болѣе знали древніе и о томъ, гдѣ Гомеръ родился. Одинъ изъ его греческихъ біографовъ пишетъ: «Иные считаютъ его смирнейцемъ, иные хіосцемъ, иные колофонцемъ, иные уроженцемъ острова Іоса, иные кимейцемъ, иные изъ троянскаго мѣстечка Кенхей, иные лидійцемъ, иные аѳиняниномъ, иные иѳакійцемъ, иные кипріотомъ, иные саламинцемъ, иные кносскійцемъ, иные микинейцемъ, иные египтяниномъ (т. е. грекомъ изъ Египта), иные ѳессалійцемъ, иные италіотомъ, иные луканцемъ, иные родосцемъ». Болѣе основательными на честь быть родиной Гомера считали притязанія острова Хіоса, гдѣ въ историческое время существовалъ цехъ пѣвцовъ Гомеридовъ, ведущій, какъ утверждали, начало отъ самого Гомера; Смирна, гдѣ Гомеру былъ посвященъ храмъ, и островъ Іосъ, гдѣ показывали его гробницу и приносили въ честь его жертвы. Преданіе представляетъ Гомера въ образѣ слѣпого пѣвца, ходящаго по городамъ и поющаго свои пѣсни, подобно тѣмъ слѣпымъ лирникамъ и бандуристамъ, которые ходятъ по Малороссіи, распѣвая «думы», прославляющія казацкихъ героевъ. Слѣпцомъ изображается Гомеръ и на дошедшихъ до насъ его статуяхъ, представляющихъ, конечно неподлинный, а воображаемый образъ пѣвца, какимъ онъ сложился подъ вліяніемъ преданія. Эта неопредѣленность извѣстій о Гомерѣ повела къ тому, что сами древніе уже не могли точно сказать, какія поэмы принадлежатъ ему и какія являются позднѣйшими твореніями, лишь приписанными великому поэту. Одни приписывали ему множество не дошедшихъ до насъ стихотвореній, другіе же утверждали, что его произведеніемъ является одна только Иліада. Позднѣйшіе александрійскіе ученые (главнымъ образомъ Аристархъ) подозрѣвали, что многія отдѣльныя мѣста и стихи вставлены въ поэмы впослѣдствіи съ цѣлью прославленія того или другого города, того или другого знатнаго рода, желавшаго найти своихъ предковъ среди героевъ троянской войны.

Была даже цѣлая ученая школа, такъ называемыхъ «раздѣлителей», которые утверждали, что Иліада и Одиссея написаны не однимъ лицомъ, а двумя разными поэтами. Но это направленіе въ древности не стало общепризнаннымъ. Текстъ обѣихъ поэмъ, какъ онъ читается теперь въ нашихъ

ЭР03263

изданіяхъ, является результатомъ долгой критической работы надъ существовавшими ранѣе рукописями Гомера. Что существовали многочисленные разночтенія гомеровскихъ поэмъ, видно изъ цитатъ, приводимыхъ изъ Иліады и Одиссеи Аристотелемъ. Этотъ великій ученый древности, приготовившій для Александра Македонскаго критическое изданіе поэмъ Гомера, во многихъ мѣстахъ отступалъ отъ обычнаго текста, и имѣлъ, слѣдовательно, въ своихъ рукахъ рукописи поэмъ, отличавшіяся отъ рукописей, которыми пользовались ученые Александріи. Этимъ ученымъ принадлежитъ въ существенныхъ чертахъ тотъ текстъ, который мы читаемъ въ нашихъ изданіяхъ. Особенно много потрудились въ Александріи надъ установленіемъ гомеровскаго текста Зенодотъ, первый раздѣлившій обѣ поэмы на 24 пѣсни каждую, и Аристархъ, произведшій сличеніе всѣхъ доступныхъ ему рукописей и отмѣтившій особыми значками стихи, казавшіеся ему позднѣйшими вставками. Послѣ Аристарха критики почти не занимались изученіемъ поэмъ Гомера, если не считать тѣхъ попытокъ отыскать въ нихъ аллегорическій смыслъ, которыя характерны для философовъ стоической и неоплатонической школы (Гераклита «Гомеровскія аллегоріи»: Порфирія «О пещерѣ нимфъ въ Одиссеѣ»).

Ученая критика новѣйшаго времени, какъ вполнѣ естественно, весьма недовѣрчиво отнеслась ко всѣмъ разсказамъ древнихъ писателей о Гомерѣ и пыталась опредѣлить время и мѣсто составленія поэмъ, исходя лишь изъ ихъ текста. Но и въ текстѣ поэмъ встрѣчается рядъ противорѣчій. Такъ напримѣръ, въ первой пѣсни Иліады Зевсъ обѣщаетъ, что троянцы до тѣхъ поръ будутъ побѣждать ахейцевъ, пока послѣдніе не дадутъ удовлетворенія Ахиллу за нанесенную ему обиду; въ одиннадцатой пѣсни это удовлетвореніе дано, но троянцы все продолжаютъ одерживать побѣды вплоть до смерти Патрокла. Во второй пѣсни разсказывается, какъ Агамемнонъ по внушенію лживаго сна, ниспосланнаго Зевсомъ, хочетъ въ надеждѣ на побѣду начать битву съ троянцами, но вмѣсто битвы дѣло оканчивается лишь поединкомъ Париса и Менелая и побѣдой ахейцевъ. Десятая пѣсня, «Долонейя», уже древними считались непринадлежащей къ Иліадѣ, а внесенной въ нее довольно поздно,

ЭР03263

такъ какъ разсказанныя въ ней событія стоятъ особнякомъ отъ общаго хода повѣствованія поэмы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы выступаютъ герои, уже ранѣе погибшіе въ битвѣ и т. д. Между Иліадой и Одиссеей есть между прочимъ то противорѣчіе, что вѣстницей боговъ въ первой является Ирида, во второй Гермесъ. Въ самой Одиссеи также является много противорѣчій: въ I пѣсни Аѳина совѣтуетъ Телемаху собрать народное собраніе, потребовать удаленія жениховъ изъ дома Одиссея, мать отослать къ ея отцу и отправиться искать отца, а во второй пѣсни, исполняя совѣтъ Аѳины, Телемахъ говоритъ въ народномъ собраніи, что было бы не хорошо выгнать мать изъ дому. Всѣми такими противорѣчіями—а мы привели лишь весьма немногія изъ нихъ въ видѣ примѣра—затруднялась работа ученыхъ, принявшихся за изученіе поэмъ Гомера, и въ результатѣ былъ выставленъ рядъ теорій относительно ихъ происхожденія.

Основу новѣйшей критикѣ поэмъ Гомера положилъ геніальный филологъ Фр. Авг. Вольфъ въ своемъ знаменитомъ «Введеніи къ Гомеру» (1795 г.). Вольфъ систематически изложилъ высказывавшіяся уже ранѣе нѣкоторыми изслѣдователями мнѣнія о постепенномъ развитіи поэмъ Гомера, и сущность его взглядовъ сводится къ слѣдующему: Иліада и Одиссея не цѣлыя поэмы, созданныя однимъ поэтомъ по опредѣленному плану, а собраніе отдѣльныхъ пѣсенъ разныхъ авторовъ, собранное въ извѣстномъ порядкѣ и записанное въ Аѳинахъ въ эпоху Писистрата, т. е. въ VI в. до Р. Х. Ранѣе поэмы и не могли быть записаны, такъ какъ, по мнѣнію Вольфа, при Гомерѣ письменность не была извѣстна грекамъ, ибо нигдѣ въ поэмахъ она не упоминается. Въ нихъ есть лишь указанія на отдѣльныя условныя значки, что очень еще далеко отъ письменности. Кромѣ того сами древніе свидѣтельствуютъ, что до Писистрата поэмы устно переходили изъ поколѣній въ поколѣніе. Наконецъ, какой бы обширной памятью ни обладалъ поэтъ, едва ли ему по силамъ было составить такія обширныя поэмы безъ всякихъ записей. Да и послѣ Писистрата текстъ поэмъ подвергался измѣненіямъ.

ЭР03263

«Введеніе» Вольфа, написанное съ большимъ остроуміемъ и ученостью произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ, изъ которыхъ большинство примкнуло къ его взглядамъ и стало развивать высказанныя имъ положенія. Карлъ Лахманъ (1837) сдѣлалъ попытку разложить Иліаду на ея составныя части; онъ признаетъ въ ней присутствіе 16 различныхъ поэмъ, составленныхъ въ различное время и разными поэтами. Главной основой для этого раздѣленія ему служатъ встрѣчаемыя въ поэмѣ противорѣчія и эстетическая оцѣнка различныхъ частей Иліады. Послѣдній критерій, какъ слишкомъ субъективный, долженъ, конечно быть отброшенъ. Единство плана, замѣчаемое въ Иліадѣ, по мнѣнію Лахмана, зависитъ отъ того, что уже ранѣе существовали извѣстныя сказанія, группировавшіяся около взятія Трои. Въ противоположность Лахману его ученикъ Кёхли думалъ, что единство поэмы Иліады создано только записью пѣсенъ выполненой при аѳинскомъ тиранѣ Писистратѣ.

Другой нѣмецкій ученый Г. Германнъ несогласился съ Вольфомъ; по его предположенію древнѣйшей поэзіей грековъ была поэзія дидактическая, «Гомеръ же былъ первымъ пѣвцомъ, проложившимъ новые пути и породившимъ школу подражателей и соперниковъ, ограничившихся, какъ и самъ онъ, небольшой частицей наличныхъ легендъ. Г. Германнъ не находилъ у Гомера до-гомеровской основы, но считалъ его великимъ и оригинальнымъ геніемъ, трудъ котораго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, увеличенъ и искаженъ длинными и неумѣстными вставками. Онъ полагалъ, что этотъ поэтъ сочинилъ, вѣроятно, краткую «Иліаду» и «Одиссею», которыя и послужили основаніемъ для позднѣйшихъ поэмъ».

Наряду съ этой теоріей была выставлена и нѣсколько иная, по которой Иліада сложилась не изъ ряда мелкихъ народныхъ пѣсенъ, а представляетъ результатъ соединенія нѣсколькихъ поэмъ съ позднѣйшими добавленіями. Таково мнѣніе англійскаго ученаго Грота, который полагаетъ, что наша Иліада представляетъ результатъ соединенія двухъ поэмъ: поэмы, воспивающей гнѣвъ Ахилла, «Ахилленды», состоявшей изъ пѣсенъ I, VIII, XI—XXII, и собственно Иліады, къ которой принадлежатъ пѣсни II—VII и X; пѣсни

ЭР03263

же IX, XXIII и XXIV добавлены впослѣдствіи, но эта теорія не объясняетъ противорѣчій, встрѣчающихся внутри самыхъ предполагаемыхъ первоначальныхъ поэмъ.

Взгляды Вольфа были приложены къ Одиссеѣ А. Кирхгофомъ (1859—1879). По мнѣнію А.. Кирхгофа наша Одиссея нѣсколько разъ подвергалась переработкѣ и добавленіямъ, но развилась изъ одного «ядра», какъ онъ называетъ древнѣйшую часть поэмы, считая таковой пѣсни о «возвращеніи» Одиссея (пѣсни I, 1—180; V отъ 43 до конца, VI, VII съ пропусками и XIII, 7—185). Эта часть поэмы составлена думаетъ онъ, однимъ поэтомъ, вѣроятно, на о. Хіосѣ. Впослѣдствіе къ ней была присоединена вторая часть, приключенія Одиссея на родинѣ (пѣсни XIII, 185 до конца, XIV съ пропусками, XV, 550—557; XVI съ пропусками, XVII, 1—413; XVIII—XXII и XXIII, 1—196). Вторая часть составлена повидимому, въ Смирнѣ или Колофонѣ ок. 1 олимпіады. Это «ядро» Одиссеи подверглось около 30 олимпіады полной переработкѣ, изъ желанія внести въ поэму другія существовавшія пѣсни, въ которыхъ говорилось объ Одиссеѣ, тогда же прибавлены всѣ пѣсни о Телемахѣ («Телемахида») и, наконецъ, ок. 580 г. послѣ вторичной переработки, поэма приняла въ общихъ частяхъ современный видъ.

Если съ одной стороны взгляды Вольфа привлекли, какъ видимъ сторонниковъ, то съ другой вызвали и возраженія: Г. В. Ничъ, К. О. Миллеръ, Ѳ. Ѳ. Соколовъ и другіе горячо отстаивали единство гомеровскихъ поэмъ. Ничъ опровергаетъ и, какъ мы теперь знаемъ, вполнѣ основательно, мысль, что греки Гомера не знали искусства письма; относительно самой личности поэта, онъ думаетъ, что и Иліада и Одиссея составлены однимъ и тѣмъ же поэтомъ, но что онъ по разному отнесся къ существовавшему матеріалу. Для Иліады онъ воспользовался ранѣе сложенными пѣснями, лишь передѣлавъ уже ранѣе существовавшую поэму «о рѣшеніи Зевса», тогда какъ въ Одиссеѣ онъ гораздо свободнѣе отнесся къ бывшимъ у него подъ рукой пѣснямъ и многое составилъ самъ. Приблизительно такъ же думаетъ и К. О. Миллеръ: и Иліада и Одиссея творенія одного поэта, воспользовавшагося пѣснями древнихъ пѣвцовъ, но совершенно свободно переработавшаго ихъ; всѣ противорѣчія являются позднѣйшими

ЭР03263

вставками и ни мало не нарушаютъ единство обѣихъ поэмъ. Ѳ. Ѳ. Соколовъ, также поддерживая мысль объ единствѣ гомеровскихъ поэмъ, идетъ, пожалуй, дальше: противорѣчія еще менѣе смущаютъ его, онъ указываетъ, что они встрѣчаются и у современныхъ писателей, напр. у гр. Л. Толстого въ «Войнѣ и Мирѣ» или у Эдуарда По въ «Приключеніяхъ Артура Пима».

Своеобразную теорію о происхожденіи Гомеровскихъ поэмъ выставилъ Бенедиктъ Низе: гомеровскія поэмы вовсе не безыскуственный народный эпосъ, а эпосъ искусственный, что, по мнѣнію его, доказывается самымъ его языкомъ, чисто условнымъ, на которомъ никогда не говорили. Низе утверждаетъ, что въ поэмахъ Гомера нѣтъ никакихъ указаній на существованіе сказаній о Троянской войнѣ, составленныхъ въ болѣе раннее время. Въ основѣ какъ Иліады, такъ и Одиссеи лежатъ краткія поэмы, написанныя разными авторами въ разное время и впослѣдствіе подвергавшіяся значительнымъ добавленіямъ и передѣлкамъ, но, какъ увидимъ ниже, мысль о несуществованіи до Гомера сказаній о Троянской войнѣ совершенно неправильна, что ясно изъ самихъ поэмъ.

Пытается разложить на составныя части поэмы Гомера и одинъ изъ наиболѣе видныхъ современныхъ филологовъ, Виламовицъ—Меллендорфъ. Иліада по его взгляду значительно древнѣе Одиссеи и вообще текстъ ея менѣе подвергался позднѣйшимъ примѣненіямъ. Позднѣйшія ея части можно отнести къ VIII в. до Р. Х. Къ этому вѣку нужно отнести возникновеніе древнѣйшихъ частей Одиссеи, которая потомъ подвергалась нѣсколько разъ передѣлкамъ, причемъ послѣдній разъ обѣ поэмы были переработаны въ Аттикѣ въ VII вѣкѣ.

Извѣстный лингвистъ Августъ Фиккъ, изслѣдовавъ гомеровскія поэмы съ точки зрѣнія языка, высказалъ мнѣніе, что соединеніе формъ эолійскаго и іонійскаго нарѣчій, встрѣчаемое у Гомера, возникло благодаря тому, что первоначально онѣ были написаны на эолійскомъ нарѣчіи, и лишь потомъ, при переносѣ въ Іонію, подверглись вліянію іонійскаго діалекта. Фиккъ даже сдѣлалъ попытку переложить поэмы на эолійское нарѣчіе.

ЭР03263

Одинъ изъ послѣдующихъ изслѣдователей Гомера, К. Робертъ, пользуясь этими указаніями, думалъ при помощи анализа языка разложить Иліаду на составныя части. Онъ пытается доказать, что соображенія Фикка вполнѣ подтверждаются и разборомъ археологическихъ данныхъ. В. Рейхель указалъ, что всѣ описанія оружія у Гомера можно раздѣлить на двѣ группы: одна, изображающая оружіе, встрѣчаемое при раскопкахъ въ микенскихъ могилахъ, а въ другой описывается типъ оружія, встрѣчающійся въ позднѣйшее время въ Іоніи. Робертъ доказываетъ, что тѣ части поэмы, гдѣ изображается микенское оружіе, могутъ быть легко переложены на эолійское нарѣчіе, тогда какъ тѣ мѣста, гдѣ герои вооружены іонійскимъ оружіемъ, не легко поддаются этой передачѣ. Руководясь этимъ признакомъ, Робертъ пытается выдѣлить первоначальную Иліаду, состоящую изъ 2140 стиховъ, которая подвергалась четырежды передѣлкѣ ранѣе чѣмъ достигла окончательной формы. Къ Фикку примыкаетъ и другой видный филологъ П. Кауэръ. Признавъ въ языкѣ поэмъ Гомера рядъ наслоеній, онъ видитъ въ нихъ результатъ развитія эпоса въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, но онъ думаетъ, что неправильно видѣть во всѣхъ противорѣчіяхъ результатъ неискусной работы отдѣльныхъ позднѣйшихъ поэтовъ. Противорѣчія вызываются и другими причинами: они могутъ возникать 1) вслѣдствіе намѣреннаго уклоненія автора отъ дѣйствительности, вызываемаго потребностями художественной композиціи; 2) вслѣдствіе безсознательнаго отклоненія отъ точнаго изображенія предмета, когда матеріалъ подавляетъ автора и онъ не въ состояніи правильно расположить его, и 3) вслѣдствіе неудачнаго подражанія древнимъ образцамъ.

Одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей, занимавшихся Гомеромъ, Г. Финслеръ, полагаетъ, что одинаково не правы и сторонники происхожденія Иліады изъ совокупности мелкихъ пѣсенъ, и сторонники развитія ея изъ первоначальнаго ядра. Онъ думаетъ, что «геніальный поэтъ, котораго вся древность называла Гомеромъ, воспользовался нѣсколькими ранѣе сочиненными поэмами, относящимся къ паденію Трои, объединилъ ихъ около одной основной идеи о гнѣвѣ Ахилла и создалъ нашу Иліаду, позднѣйшія вставки въ которую

ЭР03263

не повліяли существеннымъ образомъ на первоначальный видъ поэмы. Что касается Одиссеи, то она возникла также въ результатѣ работы одного поэта, отличнаго отъ обработывавшаго пѣсни Иліады, который также связалъ въ одно цѣлое нѣсколько самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній, существовавшихъ ранѣе».

Мы кратко изложили лишь важнѣйшіе теоріи, высказанныя до послѣдняго времени по поводу возникновенія поэмъ Гомера. Рѣшеніе вопроса при помощи однихъ только извлекаемыхъ изъ поэмъ данныхъ вообще едва ли возможно, оно болѣе возможно при свѣтѣ археологическихъ данныхъ и благодаря сравнительно историческому изученію произведеній народной поэзіи разныхъ народовъ. Такъ археологія указала намъ на существованіе въ Греціи письменности задолго до поэмъ Гомера, она указала намъ на правдивость нѣкоторыхъ описаній Гомера, ранѣе считавшихся продуктомъ поэтическаго вымысла, а наблюденія надъ эпической поэзіей другихъ народовъ дали возможность обозначить въ общихъ чертахъ тотъ путь, который она проходитъ, пока достигнетъ художественной законченности и выльется въ опредѣленную форму.

Всякое эпическое произведеніе начинается съ импровизаціи: пѣвецъ вслѣдъ за какимъ-либо событіемъ складываетъ пѣснь о немъ. Эту пѣснь поетъ онъ не одинъ разъ передъ слушателями; она распространяется, усваивается другими пѣвцами; къ ней прибавляются новыя эпизоды; иногда приписываемое ранѣе одному герою переносится впослѣдствіи на другого и наконецъ находится какой-либо пѣвецъ, который изъ ряда отдѣльныхъ пѣсенъ составляетъ одну связную поэму, въ которой пѣсни группируются около извѣстнаго центральнаго событія. Такимъ образомъ возникла въ первой половинѣ XIX столѣтія финская эпопея Калевала: финскій ученый Лёнротъ собралъ отдѣльныя пѣсни финновъ объ ихъ народныхъ герояхъ, подобралъ ихъ въ извѣстной временной послѣдовательности, прибавилъ для связи между нѣкоторыми изъ нихъ сочиненныя имъ самимъ стихи и составилъ такимъ образомъ обширную финскую поэму Калевалу. Подобнымъ же образомъ сложился въ началѣ XII в. германскій эпосъ о Нибелунгахъ. Наши русскія былины оста-

ЭР03263

новились на предшествующей ступени въ видѣ отдѣльныхъ пѣсенъ, хотя и были попытки нѣкоторыхъ издателей сдѣлать изъ нихъ связанный разсказъ.

Относительно содержанія такихъ поэмъ нужно замѣтить, что въ нихъ на ряду съ фактами достовѣрными всегда встрѣчаемъ и сказочные мотивы. Съ внѣшней стороны онѣ отличаются однообразными, излюбленными пріемами. Таковы «постоянные эпитеты», т.-е. одни и тѣ же опредѣленія, сопутствующія героямъ (напр. въ нашихъ былинахъ Добрыня Никитичъ всегда называется «младъ», Илья Муромецъ «матерой казакъ» и т. д.». Таковы же—повторенія извѣстныхъ сочетаній стиховъ. У Гомера, напр., при описаніи гибели героя всегда говорится: «съ шумомъ на долъ онъ упалъ и взгрѣмѣлъ на павшемъ доспѣхи». Такія повторенія объясняются тѣмъ, что всякій пѣвецъ имѣетъ въ своемъ обиходѣ запасъ извѣстныхъ затверженныхъ выраженій, которыми и распоряжается по своему желанію при изображеніи той или другой картины.

Исполняются поэмы или любителями, развлекающими себя ихъ пѣніемъ; такъ Ахиллъ, сидя у себя въ шатрѣ, «сердце свое услаждаетъ лирою звонкой, воспѣвая славу героевъ»; или пѣвцами спеціалистами.

Въ поэмахъ Гомера выведены два такіе пѣвца профессіонала. Фемій, поющій во дворцѣ Одиссея, и Демодокъ, развлекающій пѣніемъ гостей царя Алкиноя. Послѣдній пѣвецъ, слѣпецъ подобно Гомеру,

„Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Ему, приглашенному на пиръ,
Муза внушила... возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
Какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ, великомъ
Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась!..*)

Въ другой разъ «пѣлъ Демодокъ вдохновенный пѣснь о прекрасной кудрявой Кипридѣ и богѣ Аресѣ».

---

*) Замѣтимъ, что этого эпизода мы не имѣемъ въ поэмахъ Гомера, слѣдовательно эти строки Одиссеи указываютъ ни существованія пѣсней о герояхъ Троянской войны, не дохранившихся до насъ, а существованіе такихъ пѣсенъ, какъ мы видили, отрицать Б. Низе.)

ЭР03263

Эта послѣдняя пѣснь Демодока по содержанію напоминаетъ тѣ гимны о богахъ, которые дошли до насъ подъ именемъ гомеровскихъ гимновъ; всего ближе она подходитъ къ четвертому гомеровскому гимну, воспѣвающему любовь Аѳродиты и Анхиза, отца Энея*).

Другой, упомянутый въ Одиссеѣ пѣвецъ, Фемій, поетъ «о печальномъ аѳеянъ изъ Трои возвратѣ, нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Аѳиною»... Въ этихъ словахъ указывается на другую группу ранѣе существовавшихъ «сказаній о возвращеніи на родину» ахейскихъ героевъ, единственнымъ сохранившимся до насъ образцомъ которыхъ является Одиссея.

48 КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Такіе пѣвцы спеціалисты носили имя «аэдовъ» и одинъ изъ изслѣдователей такъ характеризуетъ этотъ типъ.

«Одаренный особыми способностями, аэдъ готовился къ исполненію пѣсенъ путемъ спеціальнаго образованія. Его учитель, иногда его отецъ, училъ аэда играть на кіоарѣ и мѣрно декламировать звучнымъ плавнымъ голосомъ, обучалъ его правиламъ стихосложенія и особенностямъ поэтическаго языка, наконецъ, передавалъ ему извѣстное количество пѣсенъ, сложенныхъ имъ самимъ, или другими. Для того, чтобы въ теченіе долгаго времени пользоваться успѣхомъ у своихъ слушателей, аэды возможно чаще должны были предлагать имъ новости. Они должны были и сами сочинять разсказы въ стихахъ въ родѣ тѣхъ, которымъ учились у своихъ учителей. Такимъ путемъ умножались эпическія произведенія. Существовали знаменитые аэды, плодотворность генія которыхъ способствовала развитію ихъ популярности. Хозяинъ дома, желавшій пышно угостить своихъ гостей, приглашалъ одного изъ такихъ аэдовъ—(въ родѣ того, какъ у насъ приглашаютъ на вечеръ извѣстнаго актера или пѣвца)—который обыкновенно пѣлъ въ концѣ пира въ главномъ залѣ дома, такъ называемомъ мегаронѣ. Въ зависимости отъ излагаемаго разсказа, пѣвецъ начиналъ съ краткой молитвы, обращенной къ Зевсу **) или другому божеству, и затѣмъ непосредственно приступалъ къ самому раз-

*) Девять гомеровскихъ гимновъ переведены Д. П. Шестаковымъ (Записки Казанскаго Университета 1890—1891 г.); обѣщанъ полный ихъ переводъ В. В. Вересаевымъ.

**) Греческій богъ молніи, „отецъ боговъ и людей“.

ЭР03263

сказу. Сперва аэдъ намѣчалъ въ нѣсколькихъ стихахъ его общій сюжетъ; чтобы указать на то, что къ нему его вдохновили боги, онъ просилъ боговъ или музу, покровительницу изобрѣтательности и памяти, внушить ему то, что ему предстоитъ повѣствовать». Какъ образецъ можно указать на начальныя строки Одиссеи или на заключительные стихи нѣкоторыхъ гомеровскихъ гимновъ, являющихся, безъ сомнѣнія, своего рода предисловіями къ разсказамъ.

«Затѣмъ вкратцѣ излагалось начальное положеніе, факты всѣмъ извѣстные. Послѣ этого аэдъ уже непринужденно велъ свой разсказъ. Излагая его на основѣ общей традиціи*), пѣвецъ могъ свободно давать пищу своей фантазіи. Изъ традиціи онъ бралъ только выдающіяся событія и главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ; всѣ же детали разсказа составляли собственность аэда; онѣ должны были лишь стоять въ соотвѣтствіи съ общими данными преданія». Размѣръ каждаго разсказа опредѣлялся тѣмъ, чтобы его можно было пропѣть въ теченіи однаго вечера, т. е. онъ имѣлъ около 500—1000 строкъ. Гомеровскія поэмы какъ разъ дѣлятся на рядъ эпизодовъ, имѣющихъ приблизительно такія размѣры, и это свидѣтельствуетъ о процессѣ ихъ созданія. Пѣсни, пользовавшіяся наибольшимъ успѣхомъ, исполнялись чаще другихъ; ихъ заучивали другіе аэды, ученики или родные ихъ автора. На преемственность извѣстной традиціи среди аэдовъ, наличность школъ или фамилій, въ которыхъ эпосъ передавался по наслѣдству, указываетъ существованіе на остр. Хіосѣ цѣлой группы пѣвцовъ называвшихъ себя гомеридами и ведшихъ свой родъ отъ Гомера; на остр. Самосѣ существовалъ другой родъ пѣвцовъ—Креофилиды.

Возникновеніе такихъ школъ указываетъ уже на послѣдующій періодъ развитія эпической поэзіи: мѣсто имировизаторовъ—аэдовъ заняли такъ называемые «сшиватели пѣсенъ» рапсоды, которые соединяли вмѣстѣ ранѣе составленныя пѣсни. Однимъ изъ такихъ рапсодовъ и былъ, несомнѣнно, Гомеръ, ибо если бы онъ и былъ аэдомъ, то едва ли бы его имя дошло до насъ. Народные пѣвцы творятъ вообще

*) т.-е. преданія.

ДРЕВЕ

ЭР03263

анонимно, ихъ слушатели мало интересуются тѣмъ, кому принадлежитъ исполняемое произведеніе; вдохновителемъ является божество, поэтъ лишь его орудіе. Иное дѣло во время упадка эпической поэзіи, когда начинаютъ размышлять надъ самымъ процессомъ творчества; здѣсь вполнѣ естественно интересоваться, кто составилъ исполняемое произведеніе, и вполнѣ понятно, что имя одного изъ выдающихся рапсодовъ могло дойти до насъ въ традиціи. Гомеръ едва ли сочинилъ что либо; его роль сводилась, вѣроятно, къ тому, что служитъ славой наиболѣе извѣстныхъ сказителей нашихъ былинъ: они знаютъ старые напѣвы, твердо помнятъ много былинъ, умѣютъ пропѣть ихъ въ извѣстномъ хронологическомъ порядкѣ, но и только. Возможно, что окончательный порядокъ пѣсенъ былъ дѣйствительно установленъ только при Писистратѣ, какъ утверждаетъ преданіе.

Относительно времени и мѣста возникновенія гомеровскихъ поэмъ мы должны сказать слѣдующее. Мѣсто ихъ окончательнаго образованія всего лучше опредѣляется данными ихъ языка. Какъ извѣстно, греческій языкъ дѣлился на рядъ нарѣчій, изъ которыхъ по литературнымъ памятникамъ намъ извѣстны три главныя нарѣчія: эолійское, дорійское и іонійско-аттическое. Эолійское нарѣчіе было распространено на сѣверо-западномъ берегу Малой Азіи, на островѣ Лесбосѣ въ Беотіи и Оессаліи. Оно имѣло кое какія различія смотря по мѣстностямъ, поэтому нѣкоторые ученые съ извѣстнымъ правомъ говорятъ о группѣ нарѣчій этихъ мѣстъ, называемой ими сѣверо ахейской группой въ противоположность нарѣчіямъ аркадскому, кипрскому и памфильскому, составляющимъ южную вѣтвь той же ахейской группы. Нарѣчіе дорійское, или западно-греческое, было распространено въ большей части Пелопоннеса, на южномъ берегу Малой Азіи, на Критѣ, Родосѣ, нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря и въ Южной Италіи съ Сициліей.

Наконецъ третьей группой нарѣчій является группа іоническо-аттическая, на которыхъ писали и говорили на западномъ берегу Малой Азіи, въ іоническихъ колоніяхъ и въ Аттикѣ. Аттическая разновидность этого нарѣчія, благодаря той выдающейся роли которую играли Аѳины въ развитіи греческой литературы и науки, сдѣлалась языкомъ клас-

ЭР03263

сическаго періода греческой литературы. Но первоначально распространеніе того или иного нарѣчія было нѣсколько иное; уже на памяти исторіи произошло вторженіе дорянъ въ Грецію, повлекшее за собой переселеніе части тѣхъ греческихъ племенъ, которыя ранѣе занимали материковую Грецію. Эолійцы переселились изъ Θессаліи въ Троаду и прилегающія мѣстности. Ясные слѣды ихъ нарѣчія отмѣченные какъ мы видѣли, разными изслѣдователями поэмъ Гомера и притомъ въ тѣхъ ихъ частяхъ, которыя на основаніи археологическихъ данныхъ (напр. описанія болѣе древняго типа оружія) слѣдуетъ считать древнѣйшими, доказываютъ, что первоначально пѣсни о герояхъ троянской войны были составлены на эолійскомъ нарѣчіи. Но очень скоро эти пѣсни перешли изъ Эолиды въ южнѣе лежащую Іонію; къ подвигамъ героевъ эолійскихъ присоединились подвиги героевъ іонійскихъ, языкъ пѣсенъ подвергся основательному іонійскому вліянію, и поэмы въ современномъ видѣ являются несомнѣннымъ продуктомъ іонійскаго поэтическаго творчества. Говоря кратко, мы можемъ сказать, что тотъ поэтъ, который приложилъ свою руку къ окончательной отдѣлкѣ поэмъ, былъ іонiецъ. Косвенно подтверждаютъ это и греческія преданія, указывая на малоазійскіе іоническіе города, какъ на родину Гомера. Почему наиболѣе пышно — эпосъ расцвѣлъ въ Іоніи, объясняется особыми условіями, въ которыхъ находилась эта область греческаго міра. Расположенная по сосѣдству съ богатой Индіей, обладая плодородной почвой, являясь промежуточной страной между собственной Грецiей и малоазіатскими государствами, Іонія рано скопила значительныя богатства. Напомнимъ, что во время персидскаго владычества она была богатѣйшей изъ областей Великаго Царя. Богатство способствовало развитію могущественной городской знати, выводившей свое происхожденіе отъ боговъ и героевъ, ведшей роскошный образъ жизни и любившей на своихъ пирахъ слушать пѣсни «про славу дѣдовскихъ временъ».

Если Іонія была мѣстомъ, гдѣ гомеровскій эпосъ получилъ окончательную форму, то относительно первоначальнаго мѣста его возникновенія нельзя не остановиться на въ высшей степени остроумной теоріи Эрики Бете.

ЭР03263

Онъ находитъ, что многія изъ битвъ, которыя Гомеръ помѣщаетъ въ Троаду на юговосточный берегъ Малой Азіи, являются въ дѣйствительности отголоскомъ древнихъ войнъ между племенами на материкѣ Греціи, главнымъ образомъ въ Θессаліи, Беотіи и Пелопоннесѣ. Ходъ его разсужденія таковъ: мѣсто жительства или происхожденія героевъ, упоминаемыхъ въ традиціи, можно опредѣлить тремя путями: 1) мѣстонахожденіемъ ихъ могилъ или мѣстъ ихъ почитанія, 2) мѣстожительствомъ ихъ враговъ, ибо обычно враждуютъ сосѣднія племена, и 3) мѣстомъ происхожденія ихъ женъ и вообще родственниковъ. Главный герой Иліады Ахиллъ связанъ съ Фтіей, страной между городомъ Фарсалой и рѣкой Сперхеемъ. Храмъ его матери Θетиды находится въ Фарсалѣ; его отецъ Пелей связанъ съ горой Пеліономъ; его сестра замужемъ за Сперхеемъ. Убитые имъ Дріопъ и Девкаліонъ связаны съ этой же мѣстностью ровно какъ и убитый имъ Кикнъ. Одно изъ преданій (вопреки Иліадѣ) утверждаетъ, что Александръ—Парисъ былъ побѣжденъ Ахилломъ и Патрокломъ на берегу Сперхея. Сестра Париса, Александра-Кассандра, почиталась въ Локридѣ; Махаонъ, Еврекинъ, Менесѳій, герои связанные съ Ахилломъ, всѣ Θессалинцы, Парисъ убитъ малійцемъ Филоктетомъ. Убитый Ахиломъ Гекторъ почитался въ Θивахъ въ Беотіи. Изъ пораженныхъ Гекторомъ—Леитъ имѣлъ гробницу въ Платеяхъ. Оресбій жилъ въ Гилѣ, Аркесилай погребенъ въ Ливадіи. Жертвы Гектора въ Иліадѣ образуютъ какъ бы указаніе пути отъ Θивъ къ границамъ страны Ахилла. Бете упоминаетъ изъ нихъ-фокейца Схедія, могилу котораго Страбонъ знаетъ у Евбейскаго залива. Антиноя, почитавшагося какъ герой въ Дельфахъ, Ореста, связаннаго въ легендѣ съ Фокидой, этолійца Треха, героя Эпонима Трахина, который лежитъ на границѣ царства Ахилла у устья Сперхея. Патроклъ принадлежитъ къ этой же странѣ. Далѣе къ сѣверу Гекторъ убилъ Гелена, сына Энопа, Эпигея изъ города Будеона, а по нѣкоторымъ легендамъ также Протоселая. Такимъ образомъ слѣды Гектора тянутся отъ Южной Θессаліи черезъ Фокиду и Беотію къ кадмейскимъ Θивамъ. «Другими словами» говоритъ Бете: «Гекторъ или племя, которое почитало его какъ своего героя, переселялось по этой дорогѣ. Точнѣе, племя постепенно, нельзя сказать

ЭР03263

въ какомъ именно столѣтіи, двигалось по Греціи въ юго-восточномъ направленіи тѣснимое племенемъ, представителемъ котораго въ эпосѣ является Ахиллъ».

Другая группа сказаній локализуется въ Пелопоннесѣ. Если первую можно назвать группой Ахилла-Гектора-Александра, то вторая группа Елены. Она состоитъ изъ Елены, и Деифоба, ея третьяго супруга. Племя Александра входитъ, какъ видимъ, въ обѣ группы. Оно по морю приходитъ изъ Өессаліи Пелопоннесъ. Елена жила въ Спартѣ, гдѣ почиталась какъ богиня; ея могила находилась въ Θерапнахъ къ Сѣверу отъ Спарты; тамъ же имѣлъ могилу и храмъ ея супругъ Менелай, а вмѣстѣ съ нимъ почитались Александръ и Деифобъ. Въ Амиклахъ въ Лаконіи находилось святилище Александровой сестры Александры-Кассандры, а возлѣ ея—могила вмѣстѣ съ могилой Агамемнона. Къ Пелопоннесу же прикрѣплены многими корнями Одиссей, Діомедъ и Эней.

Допуская теорію Бете, мы должны возникновеніе пѣсенъ объ этихъ герояхъ отнести къ эпохѣ передвиженія племенъ внутри Греціи и движенію ихъ на острова, которое, возможно, вызвало паденіе островного царства Крита, и появленіе въ египетскихъ надписяхъ упоминанія народовъ моря, среди которыхъ встрѣчаются имена извѣстныя намъ изъ поэмъ Гомера*). Эти передвиженія племенъ и дали матеріалъ для сказаній, связанныхъ съ разсказомъ о взятіи Трои. Такъ какъ время передвиженій можно помѣстить приблизительно на XIII—XII вв. до Р. Х., то первое возникновеніе сказаній относится къ эпохѣ, послѣдующей за ними. Эпоха расцвѣта эпическаго творчества падаетъ такимъ образомъ приблизительно на X в. до Р. Х., къ этому времени и относитъ Гомера наиболѣе распространенная традиція.

Вошедшія въ поэмы Гомера пѣсни аэдовъ были не единственными произведеніями, воспѣвавшими ахейскихъ героевъ и Троянскую войну. Къ сожалѣнію, непосредственно отъ нихъ до насъ ничего не дошло, и мы знаемъ о нихъ лишь изъ пересказа тѣхъ поэмъ, авторы которыхъ, пользуясь этими пѣснями, составляли длинныя стихотворныя произведенія. Эти

---

1) См. подробнѣе нашъ „Очеркъ Эгейскаго міра“ стр. 46—48.

ЭР03263

произведенія обычно извѣстны подъ названіемъ «цикловъ»*) т.-е. сводовъ произведеній, содержаніе которыхъ группировалось около однаго какого-либо центральнаго событія изъ героическихъ временъ. Существовали циклы пѣсенъ, разсказывавшихъ о событіяхъ, связанныхъ съ героями города Ѳивъ; былъ циклъ, воспѣвавшій подвиги Геракла и т. п. Циклъ, связанный съ событіями, предшествующими и послѣдующими за Троянской войной, пересказанъ намъ нѣкіимъ Прокломъ, время жизни котораго точно неизвѣстно. Кромѣ того, многія сказанія дали темы для драмъ или позднѣйшихъ поэтическихъ произведеній, подобныхъ Метаморфозамъ Овидія эпосу Квинта Смирнскаго (IV в. по Р. Х.) и составителямъ разныхъ миѳологическихъ сборниковъ.

Проклъ даетъ изложеніе слѣдующихъ циклическихъ поэмъ, относящихся къ троянской войнѣ: Стасинъ съ острова Кипра въ поэмѣ «Кипрскія пѣсни» говорилъ о причинахъ войны, о сборахъ и выступленіи грековъ противъ Трои и о началѣ осады города; Арктинъ, поэтъ изъ Милета, въ двухъ своихъ поэмахъ: «Ѳіопидѣ» и «Разрушеніе Піона» излагалъ событія, послѣдовавшія за смертью Гектора вплоть до конца Троянской войны. Арктина преданіе называетъ ученикомъ Гомера и современникомъ Стасина. Около середины VII в. до Р. Х., по довольно спорнымъ свидѣтельствамъ, жилъ поэтъ Митиленъ съ острова Лесбоса Лесхъ. Его поэма носила названіе «Малая Иліада»; въ ней онъ, повидимому, разрабатывалъ тѣ же сюжеты, что и Арктинъ. Трэзенскій поэтъ Агій въ эпосѣ подъ названіемъ «Возвращенія» излагалъ событія, послѣдовавшія за взятіемъ Трои; онъ разсказывалъ о возвращеніи на родину греческихъ героевъ и о несчастіяхъ, испытанныхъ каждымъ изъ нихъ на обратномъ пути. Приключенія Одиссея, изложенныя въ Одиссеѣ, были имъ оставлены въ сторонѣ.. Наконецъ, о концѣ жизни Одиссея говорила поэма «Телегонія», приписывавшаяся киренцу Евгамону (середина IV в.). Въ ней разсказывается, какъ Одиссей былъ убитъ своимъ сыномъ отъ Кирки Телегономъ.

Всѣ указанныя поэмы оказали вліяніе не только на произведенія греческихъ и римскихъ поэтовъ позднѣйшаго вре-

*) Буквально значитъ „круги".

ЭР03263

мени, но и на рядъ произведеній изобразительнаго искусства, на скульптуру, живопись на вазахъ и на чеканныя металлическія произведенія. Кромѣ того, событія Иліады были изображены въ видѣ рельефовъ (выпуклыхъ изображеній) на нѣсколькихъ мраморныхъ доскахъ, которыя извѣстны подъ именемъ «Иліонскихъ таблицъ». Быть можетъ, онѣ служили для цѣлей школьнаго преподаванія.

Покончивъ съ обзоромъ того, въ какомъ видѣ дошли до насъ сказанія грековъ о троянской войнѣ,, мы можемъ перейти къ обзору этихъ сказаній; причемъ надо не забывать, что отдѣльныя эпизоды часто излагались античными авторами въ очень различномъ видѣ [1]).

II.

Сказанія о троянской войнѣ.

Въ совѣтѣ боговъ Земля стала однажды жаловаться, что ее чрезмѣрно обременяетъ безбожное племя людей; она просила Зевса освободить ее отъ такого тяжелаго бремени. Зевсъ обратился за совѣтомъ къ богинѣ справедливости Ѳемидѣ. Сперва онъ хотѣлъ погубить родъ человѣческій молніей или потопомъ, но потомъ рѣшено было во первыхъ выдать морскую богиню Ѳетиду за смертнаго, отъ котораго у нея родится воинственный сынъ Ахиллъ, а во-вторыхъ самъ Зевсъ сочетался бракомъ съ Ледой, родившей прекраснѣйшую женщину на землѣ—Елену. Оба эти лица должны были играть важную роль въ той войнѣ, которой было суждено облегчить Землю, изнемогавшую подъ множествомъ земнородныхъ людей, «и у стѣнъ Иліона племя героевъ погибло—свершилася Зевсова воля». Такъ объясняютъ эпическіе поэты возникновеніе кровавой борьбы, продолжавшейся десять лѣтъ.

[1]) Лица, интересующіяся этимъ варіантами, найдутъ богатый матеріалъ въ вступительныхъ статьяхъ Ѳ. Ф. Зѣлинскаго къ его переводу драмъ Софокла (три тома. Москва 1914—1916), посвященыхъ событіямъ изъ Троянскаго цикла; въ его же вводныхъ статьяхъ къ редактированному имъ переводу драмъ Еврипида, выполненому И Ѳ. Аненскимъ (I—II. Москва.. 1917—1918 должно выйти еще четыре тома); въ его статьяхъ къ переводу произведеній Овидія, посвященыхъ Парису (Овидій; Баллады посланія, Москва, 1910) и въ нѣкоторыхъ изъ его статей въ его сборникѣ «Изъ жизни идей». (7. I и III).

РГБ

ЭР03263

Дочь Зевса и Леды съ ранней юности славилась красотой. Со всей Греціи стекались въ Спарту юноши искать ея руки, и супругъ Леды, царь спартанскій Тиндарей, былъ въ большомъ затрудненіи, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе. По совѣту хитроумнаго Одиссея выборъ былъ предоставленъ самой Еленѣ, причемъ съ жениховъ предварительно была взята клятва, не только не мстить тому, кого Елена изберетъ себѣ въ мужья, но и оказывать ему въ случаѣ нужды всякую помощь. Елена избрала въ мужья себѣ сына микенскаго царя Атрея, Менелея, которому Тиндарей передалъ спартанскій престолъ.

Такъ исполнился одинъ замыселъ Зевса: обида, нанесенная Менелаю, должна была повлечь за собою на войну почти всѣхъ греческихъ царей, связанныхъ датой ими клятвой. Исполнился и второй его планъ. На свадьбу Ѳетиды съ царемъ мирмидоновъ Пелеемъ были приглашены всѣ боги и богини, исключая Эриды, богини раздора, изъ боязни, чтобы она не омрачила свадебнаго торжества, но случилось какъ разъ то, чего хотѣли избѣжать: обиженная Эрида бросила въ залъ, гдѣ происходило пированіе, золотое яблоко съ надписью: «Прекраснѣйшей», и три богини: Гера, царица Олимпа и супруга Зевса, Аѳина, богиня мудрости, и Афродита, богиня любви и красоты, заявили на него притязаніе. Зевсъ рѣшеніе ихъ спора предоставилъ сыну троянскаго царя Пріама, Парису.

Городъ Троя лежалъ къ югу отъ Геллеспонта, тамъ, гдѣ съ высотъ горной цѣпи Иды двѣ рѣки, Скамандръ и Симоентъ, орошаютъ равнину, простирающуюся до моря. Здѣсь царствовалъ, потомокъ Дардана, сына Зевса, Лаомедонтъ, къ которому однажды пришли въ образѣ смертныхъ боги Посейдонъ и Аполлонъ, которыхъ Зевсъ въ наказаніе за какую то вину послалъ на землю на одинъ годъ. Боги предложили Лаомедонту воздвинуть стѣны вокругъ города, но вѣроломный царь не заплатилъ имъ за работу и былъ скоро наказанъ за свое вѣроломство: Геракль взялъ его городъ, разрушилъ его, и изъ всей семьи царя остались въ живыхъ только дочь Гезіона, на которой женился царь Саламина Теламонъ, и сынъ Пріамъ.

Послѣдній возстановилъ городъ, обстроилъ его, и Иліонъ

ЭР03263

опять занялъ прежнее положеніе. Однажды женѣ Пріама Гекубѣ приснилось, что она родила факелъ, отъ котораго сгорѣла вся Троя. Толкователи объяснили, что у нея родится ребенокъ, который будетъ виновникомъ гибели Трои, и совѣтовали убить его, чтобы спасти родину. Поэтому когда у ней затѣмъ родился сынъ, названный Александромъ, Пріамъ отдалъ его своимъ тѣлохранителямъ съ приказаніемъ умертвить, но тѣ пожалѣли мальчика и бросили его живымъ въ горныхъ ущельяхъ Иды; его нашли пастухи и воспитали, какъ своего сына, назвавъ Парисомъ. Выросши онъ сталъ пасти стада на Идѣ и тамъ однажды передъ нимъ появились три богини, заявившія притязаніе на названіе «красивѣйшей». Богинь сопровождалъ Гермесъ, объявившій Парису приказъ Зевса быть судьей въ этомъ спорѣ. Каждая богиня обѣщала юношѣ награду, если онъ ее объявитъ прекраснѣйшей. Гера обѣщала ему дать царскую власть надъ всей Европой и Азіей, Аѳина обѣщала сдѣлать его первымъ между мудрецами и воинами, а Афродита обѣщала дать въ жены красивѣйшую женщину въ мірѣ, Елену, подобную по красотѣ ей самой. Послѣдней богинѣ Парисъ и отдалъ золотое яблоко, сдѣлавъ этимъ двухъ другихъ богинь своими врагами. Вскорѣ за тѣмъ въ его судьбѣ произошла перемѣна. Пріамъ въ память своего сына, погибшаго, какъ онъ думалъ, въ младенчествѣ, учредилъ пышныя игры, наградой побѣдителю на которыхъ былъ лучшій быкъ царскаго стада. Парисъ принялъ участіе въ играхъ, былъ признанъ Пріамомъ своимъ сыномъ, возвращенъ въ царскую семью, и отправился съ помощью Афродиты добывать себѣ Елену.

Пріѣхавъ въ Спарту и радушно принятый царемъ Менелаемъ, Парисъ воспользовался отъѣздомъ Менелея на Критъ и обманулъ его довѣріе, уговоривъ Елену измѣнить мужу и бѣжать съ нимъ въ Троаду.

Извѣщенный о бѣгствѣ жены вѣстницей боговъ Иридой, Менелай возвратился домой и вмѣстѣ съ своимъ братомъ Агамемнономъ, царемъ Микенъ, сталъ собирать войско для похода на Трою. Къ нему въ силу данной клятвы присоединились всѣ бывшіе искатели руки Елены. Старецъ Несторъ царствовавшій въ Пилосѣ уже надъ третьемъ поколѣніемъ

ЭР03263

людей, вмѣстѣ съ обоими сыновьями Атрея, объѣхалъ всѣхъ ахейскихъ царей, призывая ихъ отмстить за нанесенную Менелаю обиду. Въ числѣ героевъ, выступившихъ противъ Трои, былъ и юный Ахиллъ, котораго мать тщетно пыталась удержать отъ участія въ походѣ, зная, что ему предсказана или долгая жизнь въ неизвѣстности или же безсмертная слава, но за то смерть въ молодыхъ годахъ.

Многочисленное греческое войско собралось въ гавани Авлидѣ въ Беотіи и отплыло къ Малой Азіи, но ахейцы ошиблись и вмѣсто Троады высадились въ Мизіи, гдѣ царствовалъ Телефъ. Принявъ его страну за царство Пріама, они стали разорять ее и узнали о своей ошибкѣ только уже послѣ ряда битвъ. Поплывъ далѣе, ахейскій флотъ былъ застигнутъ бурей и принужденъ обратно вернуться въ Авлиду. Здѣсь долго греки не могли снова двинуться въ путь: Артемида въ гнѣвѣ на Агамемнона, убившаго посвященную ей лань, посылала все время противный вѣтеръ. Прорицатель Калхантъ объявилъ, что богиня смилостивится лишь тогда, когда ей въ жертву будетъ принесена дочь Агамемнона Ифигенія. Напрасно сопротивлялся отецъ, напрасно Ахиллъ готовъ былъ одинъ вступить въ бой со всей ахейской ратью, требовавшей жестокаго жертвоприношенія, дѣва сама согласилась пасть жертвой ради блага и славы родины; Артемида однако сжалилась надъ ней, замѣнила ее у алтаря бѣлой ланью, а дочь Агамемнона перенесла въ отдаленную Тавриду и сдѣлала тамъ жрицей въ своемъ храмѣ, гдѣ алтарь богини обагрялся кровью всѣхъ чужеземцевъ, пріѣзжавшихъ въ эту негостепріимную страну. Тамъ впослѣдствіи и нашелъ ее братъ Орестъ и вернулъ на родину.

Отплывъ изъ Авлиды, греки сдѣлали стоянку на Лемносѣ, гдѣ змѣй, хранитель алтаря нимфы Хрисы, укусилъ Филоктета, одного изъ вождей, котораго изъ за стоновъ, а главнымъ образомъ изъ за зловонія, распространяемаго вытекающимъ изъ раны гноемъ, ахейцы оставили на островѣ и только на десятый годъ принуждены были пригласить прибыть подъ Трою, ибо дано было предсказаніе, что безъ стрѣлъ Геракла, завѣщанныхъ послѣднимъ Филоктету, нельзя взять городъ.

ЭР03263

Грекамъ было дано также прорицаніе, что первый высадившійся на троянскій берегъ, сейчасъ же будетъ убитъ. Пока воины, зная это, колебались высаживаться, Протесмлай спрыгнулъ на землю и палъ пораженный Гекторомъ. Вслѣдъ за нимъ устремились на берегъ и всѣ прочіе греки и началась битва, въ которой Ахилломъ былъ убитъ сынъ Посейдона Кикнъ, тѣло котораго было непроницаемо для оружія. Ахиллъ могъ убить его, только задушивъ ремнями отъ шлема. Троянцы, испуганные смертью одного изъ своихъ героевъ, отступили и заключили перемиріе для погребенія павшихъ. Греки тѣмъ временемъ высадились и расположились станомъ по берегу моря, окруживъ свой лагеръ земляянымъ валомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ въ Иліонъ отправились Одиссей и Менелай съ требованіемъ возвратить Елену, но не имѣли успѣха, и ахейцы начали осаду Трои. Не имѣя достаточно войска для того, чтобы окружить городъ, греки блокировали его только съ одной стороны и не могли предпринять рѣшительныхъ дѣйствій, но съ другой стороны и у троянцевъ не было достаточно силъ, чтобы прогнать грековъ, и война сводилась къ ряду стычекъ, въ которыхъ одерживали верхъ, то одни, то другіе. Въ этихъ схваткахъ были взяты въ плѣнъ Ахилломъ и проданы въ рабство нѣсколько сыновей Пріама, а одинъ изъ нихъ, Троилъ, былъ убитъ греческимъ героемъ у алтаря Аполлона, который за это сталъ преслѣдовать своимъ гнѣвомъ сына Пелея и былъ впослѣдствіи виновникомъ его смерти. Въ началѣ же осады по проискамъ Одиссея, завидовавшаго его уму, былъ побитъ камнями по обвиненію въ измѣнѣ Паламедъ, сынъ царя острова Евбеи, за смерть котораго впослѣдствіи ахейцы понесли тяжелое наказаніе: Когда возвращавшійся на родину ахейскій флотъ приближался къ берегамъ Евбеи отецъ Паламеда разставилъ маяки на берегу такимъ образомъ, что много ахейцевъ нашли гибель на прибрежныхъ скалахъ.

Осаждая Трою, греки дѣлали время отъ время набѣги на союзные троянцамъ сосѣдніе города, разграбляли ихъ, уводя плѣнныхъ и раздѣляя ихъ между собой. Взятая въ плѣнъ въ одномъ изъ такихъ набѣговъ Хризеида дочь жреца Аполлона, которая досталась Ахиллу и по волѣ бога была

ЭР03263

затѣмъ возвращена своему отцу, послужила поводомъ къ гнѣву Ахилла на Агамемнона.

Обиженный герой пожаловался своей матери, Ѳетидѣ, и та попросила Зевса до тѣхъ поръ не допускать побѣды грековъ, пока они не дадутъ удовлетворенія ея сыну. Въ рядѣ схватокъ ахейцы терпятъ пораженія. Троянцы, наступая доходятъ до самаго стана грековъ, врываются въ ихъ укрѣпленный лагерь и занимаютъ часть кораблей. Другу Ахилла Патроклу жаль стало гибнущихъ грековъ, и онъ испросилъ у Ахилла позволенія повести въ бой мирмидонянъ, надѣвъ его доспѣхи съ цѣлью ввести въ заблужденіе троянцевъ. Тотъ позволилъ, и троянцы дрогнули подъ напоромъ свѣжихъ войскъ. Патроклъ все дальше и дальше гналъ ихъ, но подъ самыми стѣнами города встрѣтилъ его Гекторъ и съ помощью Аполлона поразилъ на смерть.

Смерть Патрокла заставила Ахилла забыть оскорбленіе, нанесенное ему Агамемнономъ. Пылая местью, онъ примирился съ греками и выразилъ готовность принять участіе въ бояхъ. Мать его Ѳетида взамѣнъ его доспѣховъ, похищенныхъ Гекторомъ съ трупа Патрокла, принесла новые, сдѣланные самимъ Гефестомъ. Получивъ ихъ, герой выступилъ на бой, по волѣ судьбы поразилъ Гектора, привязалъ его трупъ за ноги къ своей колесницы и трижды обволокъ вокругъ города. Затѣмъ онъ возвратился къ себѣ въ станъ и устроилъ блестящія похороны Патроклу, причемъ опять влачилъ трупъ Гектора вокругъ погребальнаго костра. Боги вознегодовали на такое поруганіе умершаго и приказали Ахиллу вернуть трупъ Пріаму, который явился къ убійцѣ сына, принося ему безчисленный выкупъ. Получивъ тѣло Гектора, троянцы устроили ему пышное погребеніе, описаніемъ котораго и заканчивается наша Иліада.

Въ дальнѣйшемъ легенда разсказываетъ о приходѣ на помощь осажденному городу амазонокъ съ ихъ царицей Пенеесилеей. Подъ ея предводительствомъ троянская рать выступила изъ города и, несмотря на отчаянное сопротивленіе грековъ, вновь достигла кораблей и снова едва не сожгла ихъ, благодаря тому, что два лучшихъ героя ахейцевъ, Ахиллъ и Эантъ, сынъ Теламона не участвовали въ битвѣ. Оба они съ грустью сидѣли у могилы Патрокла.

ЭР03263

Шумъ битвы побудилъ ихъ выступить на помощь грекамъ, и въ кровавомъ бою Ахиллъ сразилъ мужественную воительницу. Увидавъ гибель царицы амазонокъ, трояне обратились въ бѣгство, а торжествующій Ахиллъ сталъ снимать съ нея доспѣхи, какъ трофей. Взглянувъ ей въ лицо, все еще сіяющее красотой, несмотря на покрывающую его кровь и смертельную блѣдность, Ахиллъ почувствовалъ любовь къ мертвой красавицѣ и, когда надъ его чувствомъ сталъ насмѣхаться злорѣчивый Ѳерситъ, герой убилъ его, а тѣло Пантесилеи вмѣстѣ съ тѣлами другихъ павшихъ амазонокъ отправилъ для погребенія къ Пріаму.

Троянцы опять упали духомъ, но еще разъ къ нимъ пришла неожиданная помощь. Съ дальняго Востока изъ Эѳіопіи приходитъ съ своими ратями царь эѳіоповъ Мемнонъ, сынъ Зари и Тиѳона. Самъ Ахиллъ избѣгаетъ встрѣчаться съ нимъ въ бою, ибо знаетъ, что вслѣдъ за смертью Мемнона близокъ и его конецъ, но когда тотъ убиваетъ сына Нестора Антилоха, и старецъ взываетъ къ Пелиду съ просьбой отмстить за сына, Ахиллъ, забывъ о предвѣщаніи, устремляется на эѳіопскаго героя и сражаетъ его. Тѣло Мемнона его мать принесла на родину и тамъ погребла, а голосъ, по позднѣйшему преданію, заключила въ статую, которая каждое утро издавала звукъ при появленіи Зари,—то умершій герой привѣтствовалъ свою мать.

Сразивъ Мемнона, Ахиллъ рѣшилъ попытаться взять городъ, но здѣсь въ Скейскихъ воротахъ его встрѣтилъ по одному сказанію Парисъ, по другому самъ Фебъ Аполлонъ и поразилъ стрѣлою на-смерть. Трупъ его былъ спасенъ изъ рукъ троянцевъ Эантомъ, сыномъ Теламона, и Одиссеемъ. Сама божественная мать Ѳетида вмѣстѣ со своими сестрами приплыла погребать своего сына, музы сошли съ Олимпа оплакать великаго героя и семнадцать дней горевало все войско ахеянъ. На восемнадцатый день трупъ Ахилла былъ сожженъ; надъ его могилой были по обычаю устроены погребальныя игры, дары на которыхъ раздавала сама Ѳетида, а доспѣхи Ахилла она предназначила «лучшему» изъ грековъ. Соперниками выступили оба героя, спасшіе тѣло Ахилла. Ахейцы не могли рѣшить, кому изъ нихъ отдать преимущество, и постановили спросить у троянскихъ

ЭР03263

плѣнниковъ, кто изъ двухъ болѣе вредилъ Иліону. Тѣ назвали Одиссея, которому и были присуждены доспѣхи. Аянтъ счелъ себя обиженнымъ и подъ вліяніемъ гнѣва впалъ въ безуміе. Думая, что поражаетъ обидившихъ его ахейцевъ, онъ избилъ стада барановъ и быковъ, добычу грековъ, а когда пришелъ въ себя, то отъ стыда покончилъ съ собой.

Такъ сходили одинъ за другимъ въ могилу лучшіе герои троянцевъ и грековъ. Очередь была за виновникомъ войны Парисомъ. Однажды Одиссею удалось захватить въ плѣнъ троянскаго прорицателя, сына Пріама Гелена и хитростью узнать отъ него, что Трою можно взять только при помощи стрѣлъ Геракла, которыми владѣлъ оставленный, какъ уже упоминали мы выше, греками изъ-за раны на островѣ Лемносѣ Филоктетъ, и при содѣйствіи сына Ахилла Неоптолема, жившаго на островѣ Скиросѣ. Одиссей съ Діомедомъ отправились за обоими героями. На Скиросѣ имъ легко удалось уговорить Неоптолема, но не такъ обстояло дѣло съ Филоктетомъ. Въ гнѣвѣ на бросившихъ его грековъ, Филоктетъ сперва рѣшительно отказывался ѣхать въ станъ ахейцемъ и только появленіе въ божественномъ блескѣ Геракла сломило его упорство.

Прибывъ подъ Трою, Филоктетъ быстро былъ исцѣленъ отъ своей раны и въ кровавомъ бою поразилъ ядовитой стрѣлой Геракла Париса. Тогда Парисъ вспомнилъ, о той нимфѣ, Энонѣ, съ которой беззаботно проводилъ онъ время, когда пасъ стадо на г. Идѣ, и которую бросилъ ради Елены. Онъ рѣшается прибѣгнуть къ ея божественному знанію и искать у ней исцѣленія своей раны. «Вначалѣ, чувство обиды беретъ у нея верхъ надъ нѣжностью; она отказывается помочь измѣннику. Но вслѣдъ затѣмъ Энона раскаивается въ своей жестокости; она спѣшитъ къ тому мѣсту, гдѣ ее ждалъ ея невѣрный другъ. Поздно! онъ лежитъ бездыханный подъ сѣнью деревъ. Поздно для другихъ, но не для нея; она обладаетъ всѣмъ знаніемъ вѣщей русалки, ей вѣдомы всѣ зелья, которыя рождаетъ мать-земля. Силою своего волшебства она возвращаетъ тѣлу только что улетѣвшую душу; вотъ грудь закалыхалась, вотъ легкій румянецъ окрасилъ помертвѣвшія щеки, вотъ улыбка заиграла на блѣдныхъ устахъ... Они зашевилились, они шеп-

ЭР03263

чутъ какое-то слово,—Энона прислушивается и слышитъ имя Елены. Вновь гнѣвъ овладѣваетъ ея душой, она вскакиваетъ, отшатывается отъ него; вторично мракъ смерти осѣняетъ Париса, и этотъ разъ уже навсегда[1])».

Но и послѣ смерти Париса Троя еще стоитъ. Одиссей рѣшился тогда пробраться лазутчикомъ въ городъ и вмѣстѣ съ Діомедомъ похитить священное изображеніе Аѳины Паллады, тотъ Палладіумъ, который упалъ съ неба и, пока былъ въ рукахъ троянцевъ, служилъ для нихъ чудесною защитой. Тотъ же хитроумный Одиссей придумалъ затѣмъ хитрость, чтобы овладѣть городомъ. Греки построили громаднаго деревяннаго коня, пустого внутри, и скрыли въ немъ храбрѣйшихъ изъ ахеянъ. Затѣмъ притворно отплыли, какъ бы возвращаясь на родину, оставивъ на берегу одного грека, который объяснилъ троянцамъ, что конь сдѣланъ греками согласно прорицанію въ даръ богамъ и что если Троянцы введутъ его въ свой городъ, то навсегда городъ будетъ неприступенъ. Съ цѣлью помѣшать исполненію пророчества и сдѣлали до ахейцы коня такой огромной величины. Троянцы попались въ ловушку, тѣмъ болѣе, что ихъ жрецъ Лаокоонъ, противившійся ввозу коня, вмѣстѣ съ сыновьями былъ задушенъ громадными змѣями. Въ этомъ увидали они гнѣвъ боговъ, ввезли деревяннаго коня въ городъ, а ночью греческіе воины вышли изъ коня, перебили стражу, открыли возвратившимся соратникамъ ворота, и городъ былъ взятъ. Всѣ троянцы были ими перебиты или обращены въ рабство. Спаслись только Антеноръ и Эней. Антенора ахейцы пощадили за то, что онъ всегда настаивалъ на возвращеніи Елены Менелаю, а Эней, сынъ Анхиза и Афродиты, бѣжалъ изъ пылающаго города съ немногими спутниками подъ покровительствомъ своей матери богини и послѣ многихъ приключеній поселился въ Италіи, гдѣ основалъ Альбу Лонгу, изъ царственной семьи которой произошелъ основатель Рима, Ромулъ.

Менелай получилъ обратно Елену; вся захваченная добыча была раздѣлена между греками и они радостно отплыли на родину, но немногіе вернулись благополучно въ свой

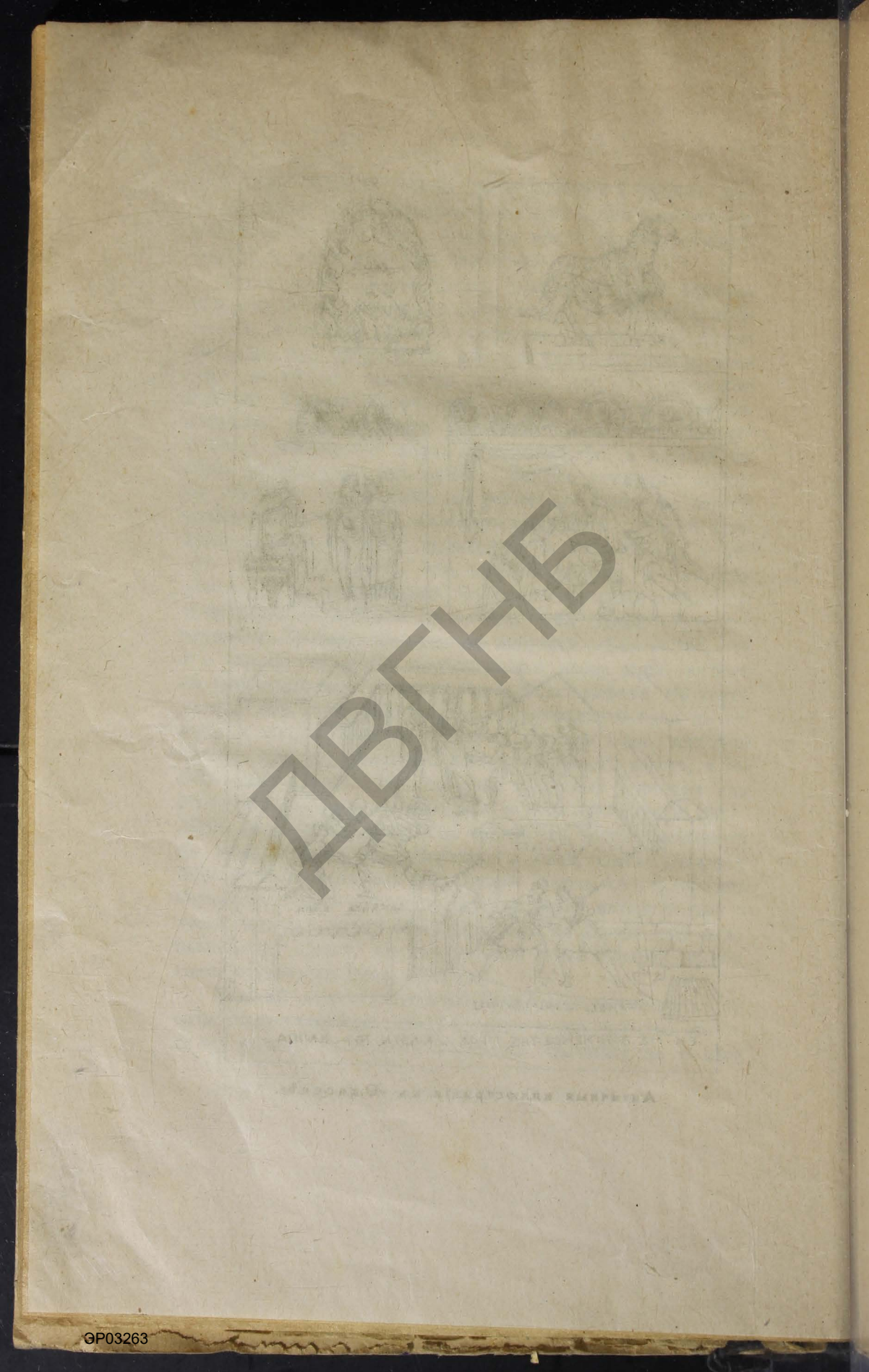
[1]) В. Ф. Зѣлинскій. Изъ жизни идей, т. III, стр. 173.

ЭР03263

Античныя иллюстраціи къ «Одиссеѣ».

ЭР03263

ДВГНБ

ЭР03263

домъ: боги разгнѣвались на грековъ за осквернѣніе убійствомъ ихъ алтарей, у которыхъ жители Трои искали убѣжища отъ своихъ враговъ. Благополучно вернулись только Несторъ, Діомедъ, Неоптолемъ, Идоменей и Филактетъ. Много народа погибло во время бури, въ томъ числѣ былъ Эантъ сынъ Оилея. Менелай этой же бурей былъ отнесенъ далеко отъ родины и восемь лѣтъ странствовалъ;

„Видѣлъ онъ Кипръ, посѣтилъ финикіянъ, достигнувъ Египта,
Къ чернымъ проникъ эѳіопамъ, гостилъ у сидонянъ, арабовъ;
Въ Ливіи былъ наконецъ, гдѣ рогатыми агнцы родятся".

и только послѣ этихъ странствованій вернулся въ Лакедемонъ.

Агамемнонъ, правда, не странствовалъ по чужимъ краямъ, но погибъ немедленно по возвращеніи въ свой домъ. Его жена Клитемнестра измѣнила ему съ его двоюроднымъ братомъ Эгисѳомъ и коварно убила мужа во время пира вмѣстѣ съ нѣсколькими его спутниками и плѣнной троянской царевной Кассандрой. Эгисѳъ хотѣлъ убить и малолѣтняго сына Агамемнона Ореста, но тотъ былъ спасенъ своей кормилицей и отосланъ къ его дядѣ, Строфію, въ Фокиду. Тамъ онъ прожилъ 16 лѣтъ и подружился съ сыномъ Строфія Пиладомъ. Выросши онъ по приказанію Аполлона и при содѣйствіи своей сестры Электры, мстя за отца убилъ Эгисѳа и виновную мать, но богини мщенія, грозныя Эриніи, стали преслѣдовать матереубійцу, который въ безуміи бѣжалъ въ Дельфы въ храмъ Аполлона. Здѣсь сказаніе распадается на три версіи: по одной, Аполлонъ очистилъ его отъ осквернѣнія пролитой имъ крови и далъ ему свой лукъ и стрѣлы, отъ которыхъ грозныя богини скрылись въ свое мрачное жилище. Другая версія передаетъ, что, очистивъ матереубійцу религіозными обрядами, Аполлонъ приказалъ ему, чтобы избавиться отъ Эринній, итти въ Аѳины и умолять Аѳину о судѣ надъ нимъ. Судъ этотъ, совершенный на Ареопагѣ, оправдалъ Ореста и онъ вернулся на родину и спокойно сталъ царствовать въ Микенахъ. Наконецъ третья версія говоритъ, что окончательно избавился Орестъ отъ посланнаго на него Эриніями безумія лишь послѣ того, какъ привезъ въ Грецію изъ Тавриды священное изображеніе Артемиды, жрицей въ храмѣ которой была спасенная богиней отъ закланія въ Авлидѣ его сестра Ифигенія.

ЭР03263

Очень много испытаній и странствованій выпало на долю царя Ивакн Одиссея. Подробно всѣ его приключенія описаны въ Одиссеѣ; тамъ описывается какъ побывалъ онъ у лотофаговъ, питавшихся лотосомъ, у чудовищныхъ Киклоповъ, одинъ изъ которыхъ съѣлъ нѣсколькихъ его товарищей, посѣтилъ островъ царя вѣтровъ Эола, жилъ у волшебницы Кирки, путешествовалъ къ вратамъ подземнаго царства, счастливо избѣжалъ двухъ чудовищъ Скиллы и Харибды и, потерявъ всѣхъ своихъ спутниковъ, прибылъ на островъ нимфы Калипсо. Девять лѣтъ провелъ онъ у нея, наконецъ боги сжалились надъ несчастнымъ и вопреки желанію Посейдона, все еще гнѣвавшагося на Одиссея за ослѣпленіе своего сына Киклопа Полифема, рѣшили вернуть его на родину. Повинуясь волѣ боговъ, Калипсо отпустила отъ себя Одиссея, но Посейдонъ поднялъ бурю, которая разбила корабль героя и онъ былъ выброшенъ волнами на Схерію, островъ феаковъ. Алкиной, царь феаковъ, принялъ Одиссея, одарилъ его богатыми дарами и отправилъ на феакійскомъ кораблѣ на Иваку.

Вернувшись на родину, Одиссей перебилъ всѣхъ жениховъ, которые, не надѣясь на его возвращеніе, сватались къ его женѣ Пенелопѣ, а тѣмъ временемъ пировали у него во дворцѣ, и сталъ, какъ и ранѣе править своимъ царствомъ.

О позднѣйшей его судьбѣ ходило нѣсколько сказаній; древнѣйшимъ былъ, повидимому, разсказъ не дошедшаго до насъ киклическаго поэта Евгамона подъ названіемъ Телегонія. Содержаніе его такъ передано однимъ изъ позднѣйшихъ писателей: «Телегонъ, сынъ Одиссея и Кирки, отправившись на поиски своего отца, высаживается на Ивакѣ и грабитъ островъ. Одиссей выступаетъ на помощь къ своимъ и падаетъ отъ руки сына. Убѣдившись въ томъ, что онъ поразилъ отца, Телегонъ и тѣло отца и Телемаха съ Пенелопой увозитъ къ своей матери, которая дѣлаетъ ихъ всѣхъ безсмертными».

Такъ окончили свои дни всѣ наиболѣе выдающіеся герои сражавшіеся подъ Троей, но нельзя не упомянуть еще объ одномъ сказаніи, касающемся Ахилла и Елены. Это сказаніе соединяетъ бракомъ обоихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ троянской войны и послѣ смерти переноситъ

ЭР03263

ихъ на островъ Левку. Тамъ по описанію одного поздняго писателя (Филострата, III по Р. Х.) находилось святилище съ изображеніемъ Ахилла и Елены. Моряки, плывшіе мимо острова, всегда приставали къ нему и приносили жертвы обоимъ героямъ, но спѣшили покинуть берегъ до захода солнца. Ночью на островѣ появлялись Ахиллъ и Елена, слышался шумъ пира, пѣсни про ихъ взаимную любовь и пѣніе поэмъ Гомера, а также топотъ коней, шумъ оружія и крики воиновъ. Такимъ образомъ эта легенда достойнымъ образомъ замыкаетъ циклъ троянскихъ сказаній: послуживъ цѣли указанной Зевсомъ, вызвавъ войну и уменьшивъ населеніе земли, храбрѣйшій изъ мужчинъ и красивѣйшая изъ женщинъ ведутъ блаженное существованіе не въ аидѣ, какъ другіе смертные, а на землѣ. Вообще можно упомянуть, что культъ Ахилла былъ очень распространенъ на Черномъ морѣ. Кромѣ острова Левки (Бѣлый островъ совр. Фидониси), его почитали въ Ольвіи, въ Гекатовой рощѣ (совр. Кинбургская коса), и на Бѣгѣ Ахилла (совр. Тендровская коса), гдѣ вездѣ найдены надписи въ честь Ахилла.

III.

Бытъ и нравы эпохи Гомера.

Мы говорили о томъ, какъ и когда были составлены гомеровскія поэмы, разсказали сказанія, которыя были распространены среди грековъ о троянской войнѣ и ея герояхъ; теперь намъ остается изложить, какъ представляли себѣ міръ гомеровскіе греки и каковъ былъ строй и вѣрованія той эпохи, которая нашла свое отраженіе въ эпосѣ.

1.

Географія и космографія Гомера.

Землю Гомеръ себѣ преставляетъ въ видѣ плоскаго диска со всѣхъ сторонъ обтекаемаго рѣкой Океаномъ. Надъ нею находится мѣдный небесный сводъ, по которому движется солнце, поднимаясь каждый день изъ водъ Океана

ЭР03263

на востокѣ и погружаясь въ нихъ на западѣ. Поэтъ, описывая щитъ Ахилла, говоритъ:

„Тамъ представилъ онъ (Гефестъ) землю, представилъ и небо, и море,
Солнце, въ пути неистомное, полный серебряный мѣсяцъ,
Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо"...

Звѣзды указывали ночью путь греческимъ морякамъ: когда Одиссей плылъ съ острова Калипсо, онъ не сводилъ очей

„Съ Плеядъ, съ нисходящаго поздно
Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ людяхъ еще Колесницы имя носящей"...

Земля со всѣхъ сторонъ окружена воздухомъ; чистая атмосфера горныхъ вершинъ, гдѣ живутъ боги, носитъ названіе эоира. Всѣми воздушными явленіями завѣдуютъ боги: Зевсъ носитъ имя «тучегонителя» или «тучесобирателя», онъ посылаетъ громы и молнія, направляетъ по своей волѣ вѣтры. Но вѣтрами могутъ распоряжаться и другія божества, не только Аполлонъ или Аѳина, но и Кирка и Калипсо; властителемъ ихъ въ Одиссеи является Эолъ. Землетресенія по большей части приписываются Посейдону, носящему прозвище «земледолебатель».

На краю свѣта лежитъ мѣстопребываніе блаженныхъ, куда по волѣ боговъ будетъ перенесенъ Менелай. Протей предсказываетъ ему:

„Ты не умрешь...
На поля Елисейскія будешь
Посланъ богами—туда, гдѣ живетъ Радаманеъ златовласый,
Ибо супругъ ты Елены и зять громовержца Зевеса".

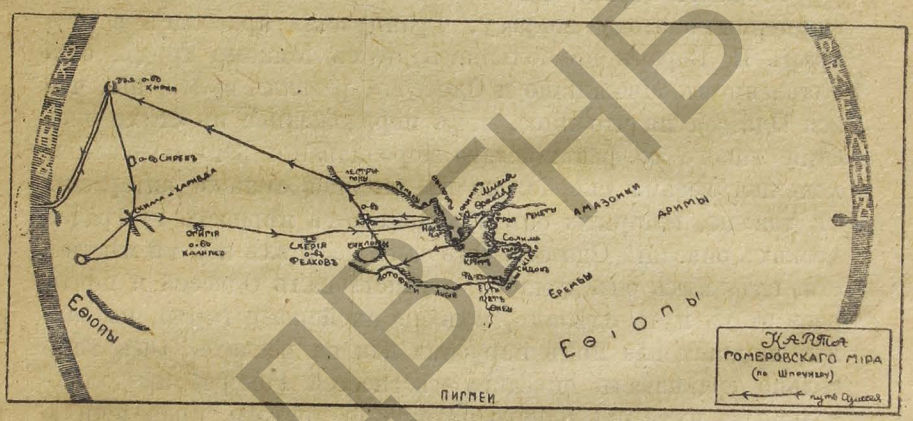
Предѣлы географическихъ познаній Гомера вообще не широки и терминологія его неопредѣленна. Еллада для него лишь центральная Грецiя. Подъ именемъ Аргоса разумѣется то Грецiя вообще, то Пелопоннесъ, то городъ этого имени въ Арголидѣ, то городъ въ Ѳессалiи; выраженіе «по всей Элладѣ и Аргосу» для поэта равносильно выраженію «по всей Грецiи». Имена аргосцевъ, ахейцевъ и данайцевъ употребляются имъ безразлично.

ЭР03263

Знаетъ онъ довольно подробно побережье Малой Азіи. Изъ отдаленныхъ земель неизвѣстна поэту ни Ассирія, ни Вавилонія, но за то онъ довольно хорошо знаетъ Египетъ, и одинъ изъ изслѣдователей Одиссеи (В. Бераръ) даже думаетъ, что при описаніи путешествія Менелая въ долину Нила и его приключеній въ этой странѣ поэтъ пользовался, какимъ-нибудь египетскимъ источникомъ. Упоминаніе лотофаговъ то же указываетъ на Африку.

Отдаленнымъ западомъ для Гомера является Иѳака. Одиссей описывая свое царство, говоритъ:...«много

„Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ отъ другого и на самомъ: „Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Иѳака".[1])

Упоминается мелькомъ городъ Темеса въ Бруттіи, какъ мѣсто, гдѣ можно пріобрѣсти желѣзо и сицилійцы въ качествѣ работорговцы.

На сѣверѣ, по представленію Гомера, лежитъ земля «мисянъ, бойцовъ рукопашныхъ», питающихся однимъ молокомъ Гиппомолговъ и Абіевъ, справедливѣйшихъ изъ смертныхъ.

---

[1]) Въ недавнее время извѣстный археологъ В. Дерпфельдъ высказалъ мнѣніе, что гомеровская Иѳака не современный островъ этого имени, а современная Лавкада, но это вызвало большіе споры.

ДВГНБ

ЭР03263

Изъ острововъ Эгейскаго моря упомянуты въ поэмахъ: Хіосъ, Делосъ, Лесбосъ; довольно подробно описанъ Критъ и нѣсколько разъ говорится о Кипрѣ. Часто упоминаются финикіяне то какъ искусные мастера, ткущіе лучшія матеріи и выдѣлывающіе разныя серебряныя вещи, то какъ мореплаватели и торговцы, и при случаѣ и морскіе разбойники. Что касается полусказочныхъ мѣстностей, которыя пришлось посѣтить въ своихъ странствованіяхъ Одиссею, то мы не можемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе тѣхъ гипотезъ, которыя были высказаны многочисленными изслѣдователями по поводу ихъ положенія. Отмѣтимъ лишь, что по этому поводу были высказаны самыя разнообразныя предположенія.

Укажемъ однако одно изъ послѣднихъ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу. Французскій археологъ и географъ В. Бераръ въ большомъ двухъ томномъ трудѣ, озаглавленномъ «Финикіяне и Одиссея», развилъ положеніе, что вся Одиссея ни что иное, какъ перэложенное въ стихи описаніе какого то финикійскаго мореплаванія. Это положеніе, конечно, весьма спорно, но въ высшей степени интересны тѣ доводы, которыми онъ обосновываетъ вѣрность географическихъ описаній Одиссеи. Онъ самъ посѣтилъ всѣ тѣ мѣстности, гдѣ, какъ онъ думаетъ, странствовалъ Одиссей и почти весь этотъ путь сдѣлалъ, подобно ахейскому герою, на баркѣ, шедшей или подъ парусами или на веслахъ. Онъ тщательно сравнивалъ описаніе мѣстностей Гомера, продолжительность пути отъ однаго пункта до другого, приведенную въ поэмѣ, и отдѣльныя черты быта разныхъ народовъ греческой поэмы съ географическимъ положеніемъ разныхъ мѣстностей, съ тѣмъ, какъ представляется мореплавателю, приближающемуся къ берегу, тотъ или иной пунктъ, съ описаніемъ какъ древнихъ какъ и новыхъ путешественниковъ и пришелъ къ выводу, что упоминаемыя въ Одиссеѣ мѣстности должны быть размѣщены такимъ образомъ: Киконы жили на берегу Ѳракіи, лотофаги на побережьѣ Малаго Сирта въ Африкѣ, киконы въ Италіи возлѣ Кумъ, островъ Эола соотвѣтствуетъ одному изъ Липарскихъ острововъ; лестригоновъ авторъ помѣщаетъ на сѣверномъ берегу Сардиніи; мѣстопребываніе Кирки, по его мнѣнію, нужно искать въ

ЭР03263

Италіи возлѣ совр. Monte Circeo, входъ въ подземное царство возлѣ Авернскаго озера съ сѣв. отъ Неаполя; мѣстопребываніе сиренъ къ югу отъ Сорентскаго полуострова въ древнемъ пестумскомъ заливѣ; Скиллу и Харибду въ мессинскомъ проливѣ; островъ Калипсо возлѣ Гибралтара и Схерію феаковъ на островѣ Керкирѣ. Многіе изъ принимаемыхъ Бераромъ отождествленій восходятъ къ античнымъ географамъ, но любопытна его попытка истолковать названія иныхъ мѣстностей съ помощью семитскихъ языковъ, и попытаться объяснить, причину, по которой эти мѣстности получили свои имена. Онъ думаетъ, что каждая мѣстность была названа по тому признаку, который наиболѣе бросался въ глаза пріѣзжавшимъ съ моря и что этими пріѣзжавшими были финикіяне, названія, данныя которыми, греки частью оставляли безъ перевода, а частью переводили на свой языкъ. Въ общемъ теорія Берара, какъ мы упоминали уже выше, непріемлема, но съ многими его остальными соображеніями нельзя не согласиться и нельзя не признать, что въ иныхъ мѣстахъ Одиссеи мы имѣемъ географическія описанія большой точности.

2.

Религіозные взгляды Гомера.

Если мы обратимся теперь къ религіознымъ представленіямъ Гомера, то прежде всего увидимъ, что Иліада и Одиссея представляютъ себѣ міръ боговъ совершенно параллельно человѣческимъ отношеніямъ. Всѣ жители Олимпа родственники между собой, каждый изъ нихъ завѣдуетъ своей особой областью, въ которую другіе не вмѣшиваются; только нѣкоторыя явленія природы, напр. вѣтры, могутъ быть возбуждаемы и успокаиваемы разными божествами. Мѣстныхъ боговъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ у семитовъ, у Гомера нѣтъ. Но почти каждый городъ имѣетъ своего особаго бога хранителя, такъ Гера является покровительницей Аргоса, Аполлонъ—Иліона, Аресъ—Ѳракіи, Афродита —Кипра, Гефестъ—Лемноса; почитаніе ихъ однако не связано только съ этими мѣстностями: ихъ почитаютъ и въ другихъ странахъ и городахъ. Боги покровительствуютъ и от-

ЭР03263

дѣльнымъ лицамъ, связаннымъ съ ними родствомъ или почему либо любезнымъ имъ: Аполлонъ является богомъ хранителемъ Гектора, Афродита—Париса и т. д.

Есть еще кое какіе, правда неясные, слѣды фетишизма, такъ напр. Троя не можетъ быть взята, пока въ ней хранится священный Палладіумъ, упавшее съ неба изображеніе Аѳины, хотя сама богиня опредѣленно выступаетъ противъ троянцевъ. Боги имѣютъ всѣ человѣческія чувства, они любятъ и ненавидятъ, ссорятся между собой, грозятъ другъ другу, вступаютъ со смертными въ браки и рождаютъ дѣтей; живутъ въ такихъ же домахъ, какъ люди, у нихъ есть свой художникъ—архитекторъ, строящій имъ дворцы и работающій оружіе и всякую утварь.

Боги участвуютъ въ битвахъ и получаютъ раны: Діомедъ ранитъ Афродиту и при томъ грозитъ ей; могутъ быть ранены и другіе боги;

„Гера, подобно страдала, какъ сынъ Амфитріона мощный.
„Въ перси ее поразилъ трекончною горькой стрѣлою;
„Самъ Андесъ, межъ богами ужасный, страдалъ отъ пернатой.

Тотъ же Діометъ при помощи Аѳины, нанесъ рану даже богу войны Арею.

„Безсмертную плоть растерзавши.
„Вырвалъ обратно копье, и взревѣлъ Арей мѣднобронный
„Страшно, какъ будто бы девять, иль десять воскликнули тысячъ
„Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву".

Такимъ образомъ передъ нами полное очеловѣченіе божествъ. Боги могутъ сдѣлать многое, но они не всѣсильны. Выше ихъ стоитъ Рокъ, Судьба, которой подвластно все въ мірѣ. Въ критическій моментъ борьбы Гектора и Ахилла, когда оба героя въ четвертый разъ обѣжали вокругъ Иліона,

„Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на-нихъ онъ
„Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгой,
„Жребій одинъ Ахилла, другой—Пріамова сына,
„Взялъ посрединѣ и поднялъ: поникнулъ Гекторн жребій,
„Тяжкій къ Аиду упалъ; Аполлонъ отъ него удалился.
„Сыну же Пелея, съ сіяющимъ взоромъ, явилась Паллада.

ЭР03263

Здѣсь «отецъ боговъ и людей» какъ бы отстраняетъ отъ себя отвѣтственность за рѣшеніе; въ другихъ случаяхъ онъ то запрещаетъ богамъ участвовать въ битвахъ, то разрѣшаетъ по своему капризу, такъ что вопросъ о рокѣ остается не опредѣленнымъ точно поэтомъ.[1])

Небесному свѣтлому царству боговъ противополагается мрачное царство Аида, лежащее подъ землей; оно описано въ одиннадцатой пѣснѣ Одиссеи. Входъ въ него лежитъ возлѣ глубокотекущихъ водъ Океана,

„Тамъ киммеріанъ печальная область, покрытая вѣчно
„Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ....

Тамъ лугъ, покрытый асфоделомъ, «гдѣ воздушными стаями души усопшихъ летаютъ». До погребенія души скитаются возлѣ Аида и не могутъ проникнуть въ самое подземное царство; да и послѣ погребенія ихъ существованіе не весело. Правда, за исключеніемъ древнихъ преступниковъ: Титія, Тантала, Сизифа, никто изъ умершихъ не испытываетъ особенныхъ мученій, но всѣ они «тамъ безумными тѣнями вѣютъ», забывъ все что было на землѣ, одному только прорицателю Тересію разумъ сохраненъ Персефоной и мертвому; въ адѣ онъ лишь съ умомъ». Только напившись жертвенной крови, которую предложилъ имъ Одиссей, души узнаютъ его и начинаютъ говорить съ нимъ. Характерно для положенія умершихъ въ адѣ признаніе Ахилла.

„О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся,
„Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ работая въ полѣ,
„Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущныя,
«Нежели здѣсь иадъ безадушными мертвыми царствовать мертвый“.

Въ этомъ сказался такой же безотрадный взглядъ на загробное существованіе, какой мы встрѣчаемъ въ литературѣ у евреевъ; интересно отмѣтить и еще одно сходство: Одиссей самъ не сходитъ въ Аидъ, онъ вызываетъ изъ него тѣни умершихъ, подобно тому, какъ эндорская волшебница вызываетъ изъ шеола тѣнь Самуила.

---

[1]) Греческой религіи будетъ посвящена отдѣльная книжка этой серіи.

ЭР03263

Душамъ умершихъ приносятся возліянія; такое возліяніе напр. совершаетъ Ахиллъ Патроклу, а Одиссей всѣмъ умершимъ дѣлаетъ три возліянія: медомъ, виномъ и водою. и кромѣ того обѣщаетъ возвратившись въ домъ, «безжизненно—вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ» въ жертву принести «корову, тельцовъ не имѣвшую... и въ зажженный костеръ драгоцѣнностей много бросить».

Самое погребеніе умершихъ совершается черезъ сожженіе трупа; съ умершими сжигали часто и его оружіе, а также принесенныхъ въ жертву плѣнниковъ; затѣмъ кости собирали въ урну и надъ ней насыпали высокій холмъ; послѣ этого въ честь героя совершались игры, на которыхъ побѣдители получали награды.. Такъ были совершены подробно описанныя въ Иліадѣ погребенія Патрокла и Гектора. Иногда надъ могилой ставился памятникъ или сажались деревья.

Культъ въ гомеровское время отличался простотой, храмы упомянуты въ эпосѣ всего пять разъ; это храмъ Аполлона въ Хрисѣ; его же храмъ на островѣ Делосѣ и въ троянскомъ акропелѣ и два храма Аѳины—въ Иліонѣ и въ Аѳинахъ.. Изображеніе божества упоминается всего разъ, эта сидячая статуя Аѳины въ Троѣ, но за то часто упоминаются алтари, иногда вмѣстѣ съ посвященными богамъ участками земли. Говорится и о посвященныхъ богамъ рощахъ.

Жрецы не образуютъ какой либо касты или іерархіи; для ихъ обозначенія иногда употребляетъ названіе «арстеръ» т. е. человѣкъ читающій молитвы»; если и упоминается въ поэмахъ рядъ жрецовъ, которые пользуются уваженіемъ за свой санъ, то все же присутствіе ихъ при жертвоприношеніяхъ не обязательно: молящійся самъ возноситъ молитву, совершая возліяніе божеству или закалая жертвенное. Самое жертвоприношеніе разсматривается молящимся какъ праздникъ; послѣ закланія жертвъ и сожженія ихъ мяса въ честь бога, остальное мясо потребляется приносящими жертву въ веселомъ пиру при пѣніи пѣсенъ. Принося жертву, человѣкъ исполняетъ свою обязанность по отношенію къ богу.

Если богъ посылаетъ какое либо несчастіе, значитъ онъ обиженъ какимъ либо неисполненнымъ обѣтомъ или же нанесеннымъ ему оскорбленіемъ, и здѣсь выступаютъ спеціали-

ЭР03263

сты гадатели, которые изъ наблюденія разныхъ знамѣній могутъ открыть волю или желаніе бога. Такими знаменіями служили преимущественно разныя явленія природы—громъ, молнія и т. п.. появленія птицъ, особенно орла, птицы Зевса, случайно услышанныя слова, а также сны.

Есть упоминаніе объ оракулахъ. Особенной славой пользуются оракулы въ Додонѣ и Дельфахъ. Въ Додонѣ растетъ вѣщій дубъ, въ шелестѣ его листьевъ голосъ Земли, истолкователями котораго являются Селлы, пророки Зевса,

«кои не могутъ ногъ и спятъ на землѣ обнаженной».

Способъ вопрошанія дельфійскаго оракула не описанъ у Гомера, лишь говорится объ его богатствахъ и о томъ, что Агамемнонъ въ началѣ войны обратился въ Дельфы съ вопросомъ о будущемъ.

Изъ прорицателей предшествующаго гомеровскимъ героямъ поколѣнія въ поэмахъ упоминается Тересій, не потерявшій и въ подземномъ царствѣ своего вѣщаго дара; какъ мы видѣли, къ нему обращается съ вопросами Одиссей. Въ троянскомъ войскѣ главнымъ прорицателемъ является Калхантъ, въ Трои Геленъ. Прорицатели и гадатели пользуются большимъ уваженіемъ; одно изъ дѣйствующихъ лицъ Одиссеи говоритъ:

„Приглашаетъ ли кто человѣка чужого
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ на дѣло:
Или гадатплей, или врачей, или искусниковъ зодчихъ,
Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ"...

3.

Общество Гомера.

Общество, которое дѣйствуетъ въ поэмахъ Гомера, носитъ чисто аристократическій характеръ. Государственный строй его современные историки правильно сравниваютъ съ средневѣковымъ феодализмомъ. Вся страна раздѣлена на небольшія государства; во главѣ каждаго стоитъ царь, б а с и-

ЭР03263

лей. Но наряду съ нимъ, иногда въ качествѣ соперниковъ, являются главы богатыхъ родовъ. На островѣ феаковъ

«...правятъ двѣнадцать владыкъ знаменитыхъ.

«Праведно—строгихъ судей»,—а Алкиной является главнымъ, тринадцатымъ. На Ѳакѣ въ отсутствіе Одиссея главы такихъ богатыхъ родовъ заявляютъ притязаніе на руку Пенелопы; въ Иліадѣ Агамемномъ называется «верховнымъ властителемъ».

Вокругъ каждаго изъ такихъ богатыхъ властителей группируется его дружина и слуги. Народъ стоитъ на второмъ планѣ, народное собраніе упоминается, но оно только выслушиваетъ предложенія вождей военныхъ отрядовъ, и выражаетъ свое одобреніе или неодобрѣніе крикомъ. Практическаго значенія его протесты или одобренія не имѣютъ: когда, напр., въ первой пѣсни Иліады всѣ ахейцы выражаютъ своимъ крикомъ желаніе исполнить просьбу жреца Хриса и возвратить ему взятую въ плѣнъ его дочь, то Агамемнонъ просто не обращаетъ вниманіе на это желаніе и оставляетъ у себя плѣнницу. Цари называются «рожденными Зевсомъ»; царская власть, вообще говоря, наслѣдственна; простой народъ почитаетъ царей «какъ боговъ»; они въ силу своего званія владѣютъ извѣстными участками земли; имъ приносятъ въ опредѣленное время или въ экстренныхъ случаяхъ дары; у нихъ большія стада всякаго скота; живутъ они въ роскошныхъ чертогахъ, изъ которыхъ двое—дворецъ Алкиноя и дворецъ Менелая—подробно описаны въ Одиссеѣ. Приведемъ описаніе перваго дворца.

„Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазурной эмали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ частаго злата;
Притолки ихъ изъ серебра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
Такъ же и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
Двѣ—золотая съ серебряной—справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Гефеста, собаки....“
Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога,
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали, покровы,
Тканые дома искусной рукою прележныхъ работницъ:...
Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ; свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату“...

ЭР03263

Но наряду съ такой пышной обстановкой нужно отмѣтить чрезвычайно простые нравы царей той эпохи.. Цари сами работаютъ для себя утварь: такъ Одиссей самъ дѣлаетъ деревянную кровать для своей спальни и умѣетъ построить при случаѣ корабль; они не гнушаются работать вмѣстѣ съ рабами. Лаэртъ, отецъ Одиссея, не желая видѣть буйныхъ жениховъ, переселился за городъ: «онъ въ полѣ далеко живетъ, не имѣя

Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мягкихъ подушекъ,
Дома въ дождливое зимнее время онъ вмѣстѣ съ рабами
Спитъ на полу у огня, покровенный одеждой убогой"...
Въ лѣтнюю же знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находитъ себѣ на землѣ онъ въ саду виноградномъ
Ложе изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мягкой грудой".

Одиссей встрѣчаетъ его за работой въ этомъ саду:

„Онъ тамъ подчищалъ деревцо: былъ одѣтъ неопрятно;
Платье въ заплатахъ; худыми ремнями изъ кожи бычачей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы
Ихъ не царапали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ
Онъ защитилъ рукавицами, шлыкъ изъ потершейся козьей
Шкуры покровомъ служилъ головѣ".

Однимъ словомъ передъ нами портретъ крестьянина той эпохи, а не отца могучаго бисилея.

Женщины изъ царской семьи, подобно мужчинамъ, также исполняли всякую работу заодно со своими служанками и рабынями. Пенелопа и Елена занимаются тканьемъ и шитьемъ платьевъ; Навзикая, дочь Алкиноя, сама ѣдетъ къ рѣкѣ стирать вмѣстѣ со служанками бѣлье.

Рабство, какъ видно изъ многихъ мѣстъ поэмъ, было довольно распространеннымъ явленіемъ; при господствѣ права сильнаго, когда всякій вождь, собравшій дружину, могъ напасть на любой городъ и разграбить его, никто не былъ застрахованъ отъ порабощенія. Въ Иліадѣ не разъ упоминаются царевичи и царевны, взятые въ плѣнъ при разрушеніи городовъ и обращенные въ рабство. Иногда же въ рабство попадали люди, неосторожно подошедшіе къ берегу моря и захваченныя здѣсь какими либо проѣзжавшими

ЭР03263

разбойниками или купцами, которые не брезговали вести выгодный торгъ рабами. Такъ напр., была обращена въ рабство кормилица Эвмея:

„Я", разсказываетъ она „уроженица мѣднобогатаго града Сидона"...
Силой морскіе разбойники, злые тафійцы схватили
Шедшую съ поля меня"...

Когда финикійскіе купцы обѣщаютъ ее увезти обратно на родину, она въ видѣ платы за услугу беретъ съ собой младенца сына царя острова Сиры... «за великую цѣну.

Этотъ товаръ (т. е. мальчика) продадите вы людямъ иного языка», говоритъ она, и дѣйствительно они продаютъ его отцу Одиссея, Лаэрту, который впослѣдствіи дѣлаетъ его главнымъ свинопасомъ, однимъ изъ довѣренныхъ лицъ царской семьи, и поэтъ прилагаетъ къ нему эпитетъ «богоравный». Такимъ образомъ мы видимъ, что съ рабами, вообще говоря, обходились хорошо, какъ всегда бываетъ при патріархальномъ строѣ, а таковой является семья гомеровскаго времени. Рабы употребляются преимущественно для домашнихъ работъ; при описаніи земледѣлія поэтъ всегда упоминаетъ свободныхъ рабочихъ, батраковъ, повидимому лишившихся земли и нанимающихся къ зажиточныхъ людямъ, «чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ.

«Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя», получая за это «круглый годъ обильную пищу,

«Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь».

Отецъ теоритически полный господинъ надъ всѣми чадами и домочадцами, но практически онъ у Гомера нигдѣ не злоупотребляетъ своей властью: всѣ почти сыновья, а иногда и замужнія дочери живутъ съ нимъ вмѣстѣ. Женщина вездѣ въ поэмахъ занимаетъ положеніе равное съ мужчиной, она не отстранена отъ общественной жизни, участвуетъ въ собраніяхъ. Хотя отецъ и получаетъ за дочь вѣно, но у Гомера нѣтъ ни однаго указанія на насильственое замужество. Женщины владѣютъ собственнымъ имуществомъ.. «Однимъ словомъ положеніе ихъ и вообще семейное право въ эпоху Гомера было гораздо лучше чѣмъ въ классическую эпоху Греціи или въ Римѣ.

ЭР03263

Эпоха Гомера вовсе не эпоха, когда все необходимое приготовляется у каждаго въ домѣ; напротивъ поэтъ не разъ упоминаетъ торговцевъ; на первомъ планѣ въ качествѣ купцовъ стоятъ финикіяне, «хитрые гости морей», разъѣзжающіе въ своемъ «чернобокомъ» кораблѣ и иногда стоящіе въ гаваняхъ долгое время для распродажи привезенныхъ товаровъ и нагрузки корабля продуктами этой страны. При случаѣ, какъ мы видѣли, они готовы захватить силой кого либо изъ жителей страны въ плѣнъ и продать его въ рабство; иногда они готовы вѣроломно продать и своего гостя, хотя вообще въ поэмахъ гость лицо священное.

Но не одни финикіяне ѣздятъ по морю съ торговыми цѣлями; такихъ купцовъ, повидимому, много: одинъ изъ феаковъ говоритъ Одиссею:

„Конечно ты изъ числа промышленныхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши
Болѣ нажить барыша“...

Сами цари занимаются торговлей. Такъ предводитель «веслолюбивыхъ тафійцевъ» путешествуетъ

„Моремъ къ народамъ иного языка, онъ хочетъ въ Темезѣ
Мѣди добыть, на нее обмѣнявшись блестящимъ желѣзомъ“.

Царь острова Лемноса присылаетъ грекамъ подъ Трою для продажи вино, которое

„Тѣ за звенящую мѣдь, за сѣдое желѣзо мѣняли;
Тѣ за воловые кожи или за воловъ крутороги хъ,
Тѣ за своихъ полоненныхъ“...

Наряду съ торговлей, какъ необходимое ея добавленіе, Гомеръ знаетъ и промышленность. Конечно эта промышленность, если такъ можно выразиться, кустарнаго типа. Большія мастерскія есть только у царей: въ дворцѣ Алкиноя, напр., работаютъ «пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ», но ихъ работа идетъ на царскую семью, а не для сбыта на сторону. На продажу, или точнѣе на заказъ, работаютъ отдѣльные мастера, получающіе въ большинствѣ случаевъ и ма-

ЭР03263

теріалъ отъ заказчиковъ. Число спеціальностей все же довольно значительно. Много разъ упоминаются кузнецы, причемъ характерно для эпохи Гомера, что ихъ спеціальное названіе «мѣдники» указываетъ на время, когда мѣдь или бронза были главнымъ металломъ для всякаго рода издѣлій, иначе говоря, здѣсь мы еще въ бронзовомъ вѣкѣ, предшествовавшемъ желѣзному. Желѣзо представляется рѣдкостью.. «Кругъ самородный желѣза» является одной изъ главныхъ наградъ, предложенныхъ Ахилломъ на погребальныхъ играхъ въ честь Патрокла. Далѣе въ поэмахъ упоминаются золотыхъ дѣлъ мастера, оружейники, горшечники, каретники, сапожники, рыбаки, строители, даже упоминается рѣзчикъ по кости, инкрустирующій свое издѣліе серебромъ. При описаніи наиболѣе искусно сработанныхъ вещей поэтъ всегда называетъ лицо, ихъ сдѣлавшее. Иногда мастеръ работаетъ по мнѣнію Гомера вдохновленный самимъ божествомъ, Дѣвой Палладой и богомъ Гефестомъ, который является какъ бы особеннымъ покровителемъ кузнецовъ, не даромъ поэтъ такъ подробно описываетъ щитъ, сдѣланный имъ по просьбѣ Ѳетиды для Ахилла, очевидно какъ предметъ являющійся своего рода шедевромъ, идеаломъ, достойнымъ подражанія.

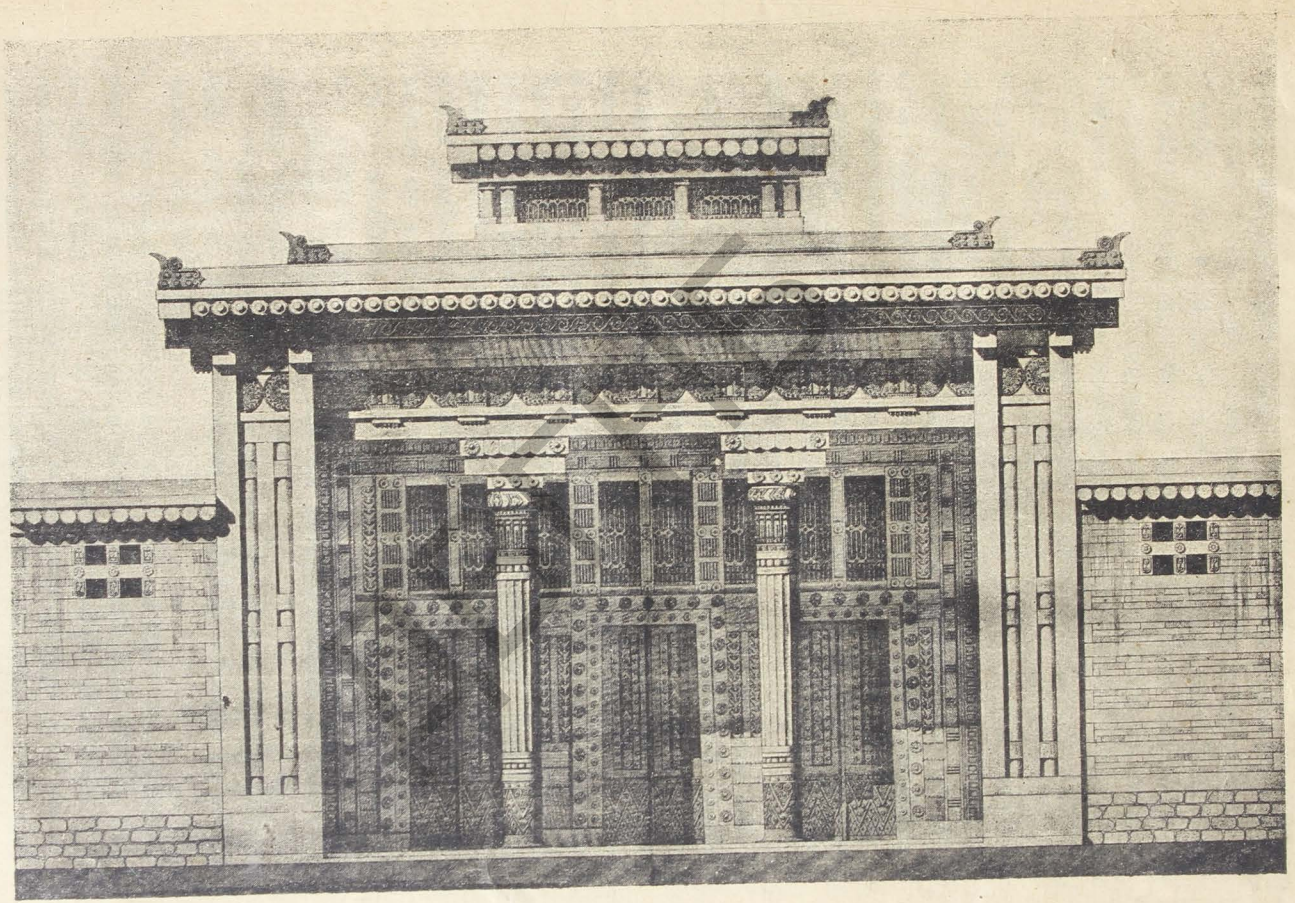
Торговля, какъ мы видѣли выше, производилась мѣновымъ путемъ, но была и металлическая денежная единица, талантъ золота, очевидно извѣстнаго вѣса золотой слитокъ, стоимость котораго опредѣлить невозможно. Иногда единицей стоимости служитъ одна голова рогатаго скота, быкъ; такъ, когда Главкъ и Діомедъ мѣняются доспѣхами (въ VI пѣсни Иліады), золотой доспѣхъ Главка оцѣнивается поэтомъ въ 100 быковъ, а бронзовый Діомеда всего въ девять. Изъ этого мѣста поэмы видна и относительная стоимость обоихъ металловъ.

4.

Одежда, утварь и вооруженіе эпохи Гомера.

Одежда гомеровскихъ героевъ отличалась простотой; вся она дѣлалась дома женщинами. Обычная одежда мужчинъ состояла изъ двухъ предметовъ: рубашки и плаща.. Плащъ,

ЭР03263

Дворецъ въ Микенахъ (реставрація Ш. Шипье).

ЭР03263

ДВГНБ

ЭР03263

хлэна, дѣлался обычно изъ грубой шерсти и служилъ также одѣяломъ ночью; онъ носился на плечахъ и держался съ помощью одной или нѣсколькихъ булавокъ. Хлэну обычно носили только внѣ дома и иногда замѣняли шкурой какого либо животнаго: Такъ Агамемнонъ и Діомедъ носятъ шкуры львовъ Менелай и Парисъ—леопардовъ, Долонъ—волка, Одиссей—оленя, свинопасъ Евмей—козы. Рубашка,—*хитонъ*, была чаще всего сдѣлана изъ льняной ткани; она замѣнила ту повязку вокругъ бедеръ, которую, судя по найденнымъ изображеніямъ до гомеровской эпохи, носили ранѣе мужчины. Вѣроятнѣе всего хитонъ былъ заимствованъ съ Востока; онъ надѣвался только днемъ, спали же совершенно обнаженными. Обычно хитонъ носили неподпоясанымъ; подпоясывали его только идя въ битву или принимаясь за работу. Поясъ, вѣроятно, дѣлался изъ кожи и иногда украшался металлическими пластинками.

Главной одеждой женщинъ, подобной хлэнѣ мужчинъ, былъ *пеплосъ*, четырехугольный кусокъ шерстяной ткани, верхній край которой отвачивался наружу. Этимъ кускомъ обертывали тѣло подъ мышками и скрѣпляли булавками или пряжками на плечахъ. Дѣлался пеплосъ, какъ и хлэна, изъ шерсти; иногда же его носили и изъ полотна. Такъ какъ пеплосъ былъ весьма широкъ, то его всегда подпоясывали, собирая вокругъ таліи складками. Поясъ женщинъ часто вышивался золотомъ. Выходя изъ дому, женщины надѣвали покрывало, окутывавшее голову и ниспадавшее на верхнюю часть тѣла, нѣчто въ родѣ платка или шали, надѣтой въ роспускъ. Дѣлалось покрывало также изъ шерсти или полотна.

Волосы украшались иногда металлическимъ вѣнцомъ, а иногда повязывались лентами.

Обувью служили сандаліи, но ихъ также носили только внѣ дома и то чаще зимою. Сандаліи обычно привязывались къ ногѣ.

Въ поэмахъ упоминаются также разнаго рода украшенія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, какъ то цѣпочки, браслеты, кольца и т. п. Изъ драгоцѣнныхъ металловъ дѣлались также часто кубки и другая утварь для стола. Что касается обстановки жилища, то она была очень про-

ЭР03263

ста и состояла лишь изъ столовъ, стульевъ, скамеекъ, ложъ и сундуковъ.

Оружіе было довольно разнообразно. Главнымъ оборонительнымъ оружіемъ гомеровскихъ воиновъ былъ громадный четырехугольный щитъ, покрывавшій все тѣло отъ верхней части груди до колѣнъ. Щитъ Эанта сравнивается поэтомъ по величинѣ съ башней. Его описаніе въ Иліадѣ даетъ намъ довольно ясное представленіе объ этомъ вооруженіи:

„Быстро Эантъ подходилъ, предъ собою несущій, какъ башню,
Медяный щитъ семикожный, который художникъ составилъ,
Тихій, усмарь знаменитѣйшій, въ Гилѣ обителью живший;
Онъ сей щитъ сотворилъ легкодвижимый, семь сочетавши
Кожъ отъ тучнѣйшихъ воловъ и восьмую низъ мѣди поверхность".

Изображенія такихъ башнеподобныхъ щитовъ мы имѣемъ на кинжалахъ, найденныхъ въ микенскихъ могилахъ и на нѣкоторыхъ печатяхъ. Иногда щитъ бывалъ легче, такъ щитъ Тевкра состоялъ только изъ четырехъ слоевъ кожъ.

Упоминаются иногда и металлическіе щиты: щитъ Нестора будто бы былъ изъ золота, щитъ Агамемнона былъ изъ серебра. Возможно, что весь изъ металла былъ знаменитый щитъ Ахилла, работы Гефеста, подробно описанный поэтомъ и вызвавшій такъ много попытокъ возстановить его по этому описанію*). Этотъ щитъ былъ вѣроятно уже круглой формы, равно какъ и упомянутый выше щитъ Агамемнона кипрской работы. Нужно отмѣтить, что, судя по памятникамъ, были еще щиты промежуточной формы въ видѣ вось-

*) Обзоръ этихъ попытокъ на русскомъ языкѣ съ рисунками см. въ статьи І. К. Линдемана, Щитъ Ахиллеса (Сборникъ статей въ честь графини П. С. Уваровой, Москва, 1916, стр. 339—357).

ДГПБ

ЭР03263

мерки. Такіе большіе щиты являлись принадлежностью вождей и царей, рядовые воины имѣли маленькіе легкіе щитки, сдѣланные изъ кожи.

Для остальнаго вооруженія мы приведемъ описаніе оружія царя Агамемнона.

„Прежде всего положилъ (онъ) на могучія ноги поножи,
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной.
Послѣ вкругъ персей герой надѣвалъ знаменитыя латы,
Въ латахъ сихъ десять полосъ простирались ворони черной,
Олова бѣлаго двадцать, двѣнадцать блестящаго злата;
Мечь онъ набросилъ на рамо; кругомъ по его рукояти
Гвозди сверкали златые; влагалище мечное окрестъ
Было серебряное и держались ремнями златыми.
Поднялъ всего покрывающій, бурный свой щитъ велелѣпный,
Весь изукрашенный; десять кругомъ его ободовъ мѣдныхъ,
Двадцать вдоль его было сіяющихъ бляхъ оловянныхъ,
Бѣлыхъ. въ серединѣ-жь одна воздымалася—черная воронь.
Сребряный былъ подъ щитомъ симъ ремень и по немъ протяженный,
Сизый драконъ извивался ужасный...
Шлемъ возложилъ на главу изукрашенный, четвероблящный,
Съ конскою гривой, и страшный поверхъ его гребень качался.
Крѣпкія два захватилъ копія, повершенныя мѣдью,
Острыя, мѣдь отъ которыхъ далеко до самого неба
Ярко сіяла“.

Но это подробное описаніе принадлежитъ къ одному изъ поздно составленныхъ мѣстъ поэмы; въ другихъ мѣстахъ боевые доспѣхи описываются, какъ

«Выпуклый щитъ и два копія и шеломъ свѣтозарный», къ нимъ присоединяется металлическій поясъ для защиты живота и поножи; латы же при наличности громаднаго щита являлись бы излишней тяжестью, но съ другой стороны они были не лишними, если щитъ былъ круглый, поэтому и Гефестъ дѣлаетъ ихъ для Ахилла, т.-к. щитъ его имѣетъ эту форму. Поножи были необходимы не только для защиты отъ вражескихъ ударовъ по ногамъ, но и для защиты ногъ отъ ударовъ нижнимъ краемъ тяжелаго щита, почему къ ахеянамъ и троянцамъ очень часто прилагается эпитетъ «пышно-поножные». На головѣ, кромѣ металлическаго шлема съ гребнемъ, иногда носили легкую кожанную каску.

ЭР03263

Наступательное оружіе гомеровскихъ героевъ состояло изъ длинныхъ и короткихъ копій, лука со стрѣлами, меча, пращи, боевого топора и камней.

Характерно, что подобно народамъ древняго Востока, гомеровскіе герои не знаютъ верховой ѣзды. Если они конными вступаютъ въ битву, то лишь на боевыхъ колесницахъ. На каждой такой колесницѣ, запряженной обычно парой лошадей, стоятъ двое: витязь, который сражается, и возница, управляющій конями. Возница подвозилъ витязя къ бою, тотъ спрыгивалъ съ колесницы, бросался въ бой, а въ случаѣ нужды опять прыгалъ на колесницу и отъѣзжалъ изъ битвы. Когда колесница стояла безъ употребленія, она обычно хранилась въ разобранномъ видѣ.

Гера, задумавъ выступить на защиту ахеянъ приказываетъ Гебѣ приготовить колесницу и вотъ, какъ та ее собираетъ.

„Съ боковъ колесницы набросила гнутые круги
Мѣдныхъ колесъ осьмиспичныхъ, на оси желѣзной ходящихъ;
Ободы ихъ золотые, нетлѣнные, сверху которыхъ
Мѣдныя шины положены плотныя, диво для взора.
Ступницы ихъ серебромъ, округленныя, окрестъ сіяли:
Кузовъ, блестящими пышно серебромъ и златомъ ремнями
Былъ прикрѣпленъ и на немъ возвышались дугою двѣ скобы;
Дышло серебряное изъ него выходило; на ономъ
Геба златое прекрасное вяжетъ ярмо, продѣваетъ
Пышную упряжь златую и быстро подъ упряжь ту Гера,
Коней безсмертныхъ подводитъ“...

Обычно колесницы имѣются лишь у вождей, но въ одномъ мѣстѣ въ рѣчи Нестора и въ его способѣ строить воиновъ на боевыхъ колесницахъ сомкнутыми рядами можно видѣть, пожалуй, отголосокъ болѣе древняго обычая, когда всѣ войны или ихъ большинство шли въ битву на колесницахъ, какъ мы видимъ это иногда на египетскихъ изображеніяхъ.

ЭР03263

IV.

Заключеніе.

Уже давно прошло то время, когда считали поэмы Гомера чисто поэтическимъ вымысломъ. Послѣ раскопокъ конца XIX и начала XX в.[1]) не можетъ быть никакого сомнѣнія въ существованіи въ Греціи въ до-классическую эпоху государствъ, правда не обширныхъ по своимъ территоріямъ, но весьма богатыхъ. Одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ греческихъ историковъ, Ѳукидидъ, сохранилъ смутное представленіе лишь объ одномъ крупномъ государствѣ доисторической Греціи. Это была морская держава Миноса на о. Критѣ, существованіе которой потверждено теперь археологическими находками. Поэмы Гомера касаются эпохи, слѣдовавшей за временемъ этой морской державы. На первомъ мѣстѣ въ поэмахъ не Критъ, а Микены, Спарта, отчасти Тиринѳъ и нѣкоторые другіе города материковой Греціи. Раскопки, предпринятыя въ этихъ мѣстностяхъ, дали неопровержимыя свидѣтельства, что расцвѣтъ этихъ поселеній дѣйствительно современенъ эпохѣ, послѣдовавшей за расцвѣтомъ Критской культуры. Онѣ показали, что дѣйствительно Греція доисторическая, Греція гомеровскихъ героевъ, была гораздо богаче, чѣмъ послѣдовавшая за ней Греція полисовъ (городскихъ общинъ) съ ея демократіями (народовластіями). Богатство ея досталось ей въ наслѣдство отъ могущественнаго царства критянъ, и было связана съ торговлей. Не даромъ же Ѳукидидъ говоритъ, что Миносъ обезопасилъ Эгейское море отъ морскихъ разбойниковъ и въ широкихъ размѣрахъ развилъ морскую торговлю. Пришедшіе съ сѣвера предки историческихъ грековъ, сначала ахейцы, позднѣе доряне, разрушивъ эту морскую державу, нѣкоторое время жили ея традиціями и старались захватить ея торговыя пути. Одинъ изслѣдователь обратилъ вниманіе на мѣстоположе-

[1]) Объ этихъ раскопкахъ см. нашу книжку въ этой же серіи „Очеркъ эгейскаго міра".

ЭР03263

ніе замковъ большинства гомеровскихъ царей. Почти всѣ они расположены такъ, чтобы господствовать надъ важнѣйшими дорогами и захватить въ свои руки торговыя пути. Цари Гомера собрали въ своихъ замкахъ большія богатства лишь потому, что собирали дань съ приходившихъ торговыхъ каравановъ, при случаѣ не брезгуя и грабежемъ ихъ. Когда запасъ матеріальныхъ благъ, накопленныхъ въ предшествующую эпоху, истощился, когда торговля ушла на другіе пути, эти греческіе феодалы стали предпринимать набѣги на далѣе лежащія мѣстности, они садились на свои корабли, ѣхали къ какому нибудь городу и грабили его, подобно средневѣковымъ норманнамъ. Доказательствъ этого много въ Одиссеѣ: дружина Одиссея, напр. и самъ онъ, пристав къ городу киконовъ, грабитъ его; въ вымышленной о себѣ исторіи тотъ же Одиссей разсказываетъ, какъ, приплывъ къ Египту, его товарищи

„Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта,
Бросилиеь, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтнихъ,
Звѣрски мужей избивая".

Точно также поступаютъ и греки, осаждающіе Трою. Самый походъ подъ Трою былъ, конечно, такимъ же разбойничьимъ набѣгомъ, предпринятымъ, можетъ быть, въ большихъ размѣрахъ или, какъ думаютъ многіе изслѣдователи, къ этому походу было впослѣдствіи привязано много пѣсенъ про отдѣльные набѣги. Когда страна была этими набѣгами и перерывомъ всякой культурной дѣятельности совершенно истощена, тогда оставшіеся въ живыхъ осѣли на опредѣленныя мѣста, занялись земледѣліемъ и небольшой торговлей и создали тотъ строй, который въ полномъ расцвѣтѣ мы встрѣчаемъ въ Греціи классической эпохи. Скорѣе другихъ вновь пріобрѣли богатство и цивилизованность малоазійскія колоніи грековъ благодаря своему близкому соприкосновенію съ высококультурными государствами внутри материка; тамъ, какъ мы видѣли, и сложились наши гомеровскія поэмы, а позднѣе тамъ же расцвѣтаетъ греческая лирика. Болѣе разоренныя земли самой материковой и островной Греціи съ большимъ трудомъ и дольше оправлялись отъ упадка и разцвѣтъ

РНБ

ЭР03263

ихъ благосостоянія, явился позднѣе, въ VI—V вв., въ эпоху спартанской и аѳинской гегемоніи, вслѣдъ за паденіемъ которыхъ они уже ни разу не имѣли значенія, какъ самостоятельное цѣлое, и вошли какъ составная часть въ эллинистически-римскую культуру, внеся въ нея свои идеалы и знанія.

ДВГНБ

ЭР03263

ДВГНБ

ЭР03263

Указатель литературы.

Литература о Гомерѣ и Троянской войнѣ громадна. Соотвѣтствующія главы мы находимъ, конечно, во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи и литературѣ древней Греціи, какъ то: Ed. Meyer, Geschichte des Altertums Bd. II; Ю. Белохъ, Греческая исторія т. I; Р. Ю. Виппероъ. Исторія Греціи, Москва. 1916; Busolt, Griechische Geschichte Bd. I; Cavaignac, Histoire de l'Antiquité, t. I. (1916); Abbot, History of Greece, vol. I; Grote, History of Greece vol. II; Курціусъ, Греческая исторія т. I; Магаффи, Исторія классическаго періода греческой литературы; Круазе, Исторія греческой литературы, переводъ подъ ред. С. А. Жебелева, 2-е изд. Петроградъ, 1916; Christ, Geschichte der griechischen Literatur, Bd. I; Croiset, Histoire de la littérature grecque vol. I. (1896) и т. д.

Подробныя заглавія, упоминаемыхъ въ текстѣ работъ по гомеровскому вопросу, таковы:

Fr. Aug. Wolf, Prolegomena ad Homerum, sive de operum homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili genere emendandi, 1795.

K. Lachmann. Betrachtungen über Homers Ilias, 3 Aufl. Berlin. 1874.

H. Hermann. De interpolationibus Homeri (Opuscula vol. V.). 1832.

A. Köchly. De Iliadis carminibus dissertationes septem 1850—1859.

A. Kirchhoff, Die homerische Odyssee, Berlin. 1879.

G. G. Nitsch, Die Sagenpoesie der Griechen. 1852.

K. O. Müller, Geschichte der griechischen Literatur.

Ф. Ф. Соколовъ. Гомеровскій вопросъ („Труды Ѳ. Ѳ. Соколова", соб. 1910—журн. Мин. Нар. Пр. 1868, ноябрь, декабрь).

B. Niese, Die Entwickelung der homerischen Poesie. 1882.

U. von. Wilamowitz-Moellendorf, Homerische Untersuchungen 1884 (Philologische Untersuchungen Bd. VII).

Aug. Fick, Die homerische Odyssee 1883 и Die homerische Ilias 1886.

C. Robert. Studien zur Ilias 1901.

ЭР03263

W. Reichel, Ueber die homerischen Waffen 1894.

Finsler, Homer, 2 Aufl. Bd. I—II. 1914.

С. П. Шестаковъ. О происхожденіи поэмъ Гомера т. I—II. 1891—1899.

E. Bethe, Homer und die Heldensage 1902 (—Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum, Bd. VII. 1901).

E. Bethe, Die troianischen Ausgrabungen und die Homerkritik. 1904 (ibid. Bd. X).

V. Berard. Les Phéniciens et l'Odyssée, 2 vol. Paris 1902—1905.

Сказанія о троянской войнѣ ст. Штоль, Миѳы классической древности, т. 2 Москва 1880 и Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte Bd. I. 1906, стр. 609—718 (здѣсь даны подробныя ссылки на литературу и источники.)

Гомеровскому вѣку посвящены работы:

E. Drerup, Homer, Die Anfänge der hellenischen Kultur, 1903, (существуетъ дополненный итальянскій переводъ 1910).

Джеббъ, Гомеръ, Введеніе въ Иліаду и Одиссею. Переводъ А. Ѳ. Семенова. Спб. 1892.

Д. М. Петрушевскій, Общество и государство у Гомера. 2-е изд. Москва 1913.

E. Buchholz, Die homerischen Realien. 3 Bd. 1871—1885.

Seymour, Life in the Homeric Age, New Jork 1907.

Chadwick. The Heroic Age. Cambridge 1912. — Сравненіе поэмъ Гомера съ средневѣковымъ эпосомъ.

Murray, The Rise ot the Greek Epic, 2 ed. 1911 — Подробный и очень интересный разборъ образованія греческаго эпоса и тѣхъ условій, среди которыхъ онъ возникъ и сложился.

К. Ф. Негельсбахъ, Вѣроученіе Гомера. Переводъ подъ ред. Янчевецкаго (Журналъ „Гимназія“ 1891—1892).

Л. Ф. Воеводскій, Введеніе въ миоологію Одиссеи (Одесса 1882).

Иліада существуетъ въ двухъ русскихъ переводахъ Н. И. Гнѣдича и Н. М. Минскаго; первый изъ нихъ былъ недавно изданъ въ пересмотрѣнномъ видѣ А. Е. Грузинскимъ.

Одиссея есть въ переводѣ В. А. Жуковскаго.

ЭР03263

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Гомеръ и гомеровскій вопросъ 7

II. Сказанія о троянской войнѣ 24

III. Бытъ и нравы эпохи Гомера 37

а) Географія и космиграфія Гомера 37

б) Религіозные взгляды Гомера 41

в) Общество и государство Гомера 45

г) Одежда, утварь и оружіе у Гомера 50

IV. Заключеніе 57

Указатель литературы 61

ДВГНБ

ЭР03263

ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДВГНБ
ЭР03263

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„Практическія Знанія".

МОСКВА, Сивцевъ Вражекъ, 6. Телеф. 5-42-85. Тел. адр. Познаніе.
Отдѣленіе: ПЕТРОГРАДЪ, ул. Жуковскаго, 6, кв. 16. Телеф. 1-06-63.

Культурно-бытовые очерки по міровой исторіи.

Вышли изъ печати:

Серія А № 1. — М. Я. Феноменовъ. **Путешествіе въ Московію въ XVII вѣкѣ.** Съ иллюстраціями.
„ „ № 2-3. — Пр.-доц. Н. А. Щербаковъ и В. С. Щербакова. **Скиѳы** (изъ прошлаго Россіи). Съ иллюстр.
„ „ № 4. — Проф. Е. Г. Кагаровъ. **Религія древнихъ славянъ.** Съ иллюстр.
Серія Б № 1. — Пр.-доц. А. А. Захаровъ. **Эгейскій міръ.** Со множ. иллюстр.
„ „ № 2. — И. Н. Бороздинъ. **Античная культура на югѣ Россіи.** Со многи. иллюстр.
„ „ № 3-4. — Пр.-доц. А. А. Сидоровъ. **Что такое средніе вѣка.** Со многи. рис. и иллюстр.
„ „ № 5. — Пр.-доц. А. А. Захаровъ. **Гомеръ.** Со многи. иллюстр.
„ „ № 6. — Пр.-доц. Ю. В. Сергіевскій. **Жизнь пролетаріата въ древнемъ Римѣ.** Съ иллюстр.
„ „ № 7. — С. Д. Сказкинъ. **Сорокъ восьмой годъ во Франціи.** Съ иллюстр.

Цѣны отъ 1 р. 75 к. до 4 р. 50 к. за книгу.

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ:

Серія А № 6. — Проф. М. К. Любавскій. **Наступленіе на степь.** Съ иллюстр.
„ „ № 7. — Н. С. Педашенко. **Петръ Великій и раскольники.** Съ портретами.
„ „ № 8. — М. Н. Тихомировъ. **Псковскій мятежъ.** Съ иллюстр.
„ „ № 9. — Прив.-доц. В. И. Пичета. **Смутное время.**
„ „ № 10. — А. В. Чельцовъ. **Протопопъ Аввакумъ** (апостолъ Старой Вѣры).
Серія Б № 8. — Проф. Н. Д. Протасовъ. **Культура восточныхъ отшельниковъ.**
„ „ № 9. — В. М. Лавровскій. **Англійская деревня.**
„ „ № 10. — Проф. Б. А. Тураевъ. **Народы древняго Востока.**

Готовятся дальнѣйшіе выпуски.

ЭР03263

Кн-во
ПРАКТИЧЕСКІЯ
ЗНАНІЯ
Москва

ДРНБ

Книгоиздательство „Практическія Знанія
Москва, Сивцевъ-Вражекъ, 6. Тел. 5-42-85.

ЭР03263

ДВГНБ

ЭР03263

ЭР03263